

Работа Хельмута Ландера
(Германия)
"Голова в голове" 1982 г.
22 x 16 x 13 см

The work of Helmut Lander
Germany
"Kopf im Kopf" 1982
22 x 16 x 13 cm

Ответственный редактор:
Редакционная коллегия:

Агавни Караканян
Мкртич Зардaryan
Шушан Хатламаджян

Chief Editor:
Editorial Board:

Aghavni Karakhanian
Mkrtych Zardaryan
Shushan Khatlamajyan

При перепечатке письменное разрешение и ссылка на ИГОРР обязательны
This publication may not be reproduced or published, in whole or in part,
without the express written consent of ICSRD

Институт Гражданского Общества и Регионального Развития

Institute for Civil Society and Regional Development

КАРАБАХСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ:
ПРИНЦИПЫ, ПОДХОДЫ И АСПЕКТЫ

Сборник аналитических статей
The Analytic Survey

THE RESOLUTION OF KARABAKH CONFLICT:
PRINCIPLES, ASPECTS AND ASSESSMENTS

Сборник издан при финансовой поддержке
Фонда Фридриха Эберта

ИГОРР выражает благодарность за содействие
Посольству Российской Федерации в РА

This publication was supported by
Friedrich Ebert STIFTUNG

ICSRD highly appreciates the support of
The Embassy of Russia to Armenia

FRIEDRICH
EBERT
STIFTUNG

C 03 - 00484

Содержание:

Приветственное слово г-на Винфрида Шнейдера-Детерса, Координатора по Кавказу и Центральной Азии Фонда имени Фридриха Эберта	4
Предисловие. Директора ИГОРР Агави Караканян	5
Приветственное слово Заместителя Министра Обороны РА Генерал-майора Артура Агабекяна	6
Александр Григорян (НКР) с прекращением информационной войны	7
Агави Караканян (Армения) Нагорный Карабах: посредничество, геополитика, конфликт	13
Александр Руссетский (Грузия) Нагорный Карабах – взгляд из Тбилиси	22
Ваагн Агльян (Армения) Трансформация внешней политики РФ и их воздействие на урегулирование карабахского конфликта (1991-1994 гг.)	24
Владимир Казимиrow (Российская Федерация) Вызвести карабахское урегулирование из тупика	35
Земфира Вердиева, Афаг Искандерова (Азербайджан) Миротворческая деятельность женщин Южного Кавказа	41
Йалим Ералп (Турция) Турецкое понимание армяно-азербайджанского конфликта	44
Интервью с министром иностранных дел НКР г-жой Наирой Мелкумян Реализация конкретных мер по укреплению доверия в регионе стала бы реальной подготовкой к миру интервьюер Гаянэ Мовсесян	48
Манвел Саркисян (НКР) Международная поддержка прогрессивных явления – ключ к решению карабахской проблемы	52
Мкртич Зардарян (Армения) Карабахский конфликт: принципы урегулирования	56
Сурен Золян (Армения) Нагорный Карабах – проблема и конфликт	62
Рипсиме Налбандян (Чешская Республика) Локальные конфликты и возможные новые пути их разрешения	69
Об авторах Информация о ИГОРР О Фонде имени Фридриха Эберта	78
	82
	87

Contents:

Preface of Mr. Winfried Schneider-Deters,..... Caucasus and Central Asia Coordinator of Friedrich Ebert Stiftung	4
Preface of Ms. Aghavni Karakhanyan,..... Director of Institute for Civil Society and Regional Development	5
Preface of Major General Arthur Aghabekyan,..... Deputy Defense Minister of Armenia	6
Alexander Grigoryan, NKR	7
The End of Information War as a Prerequisite of Conflict Resolution	
Aghavni Karakhanyan, Armenia..... Nagorno Karabakh: Mediation, Geopolitics, Conflict	13
Alexander Russetsky, Georgia..... Nagorno Karabakh - a View from Tbilissi	22
Vahagn Aglyan, Armenia	24
The Transformation of Russian Foreign Policy and the Process of Karabakh Conflict Resolution (1991-1994)	
Vladimir Kazimirov, Russia	35
To Lead the Karabakh Conflict Resolution out of the Deadlock	
Zemfira Verdiева and Afag Iskanderova, Azerbaijan..... Women of the South Caucasus and their Peace-Building Activities	41
Yalim Eralp, Turkey	44
The Turkish Perceptions on Armenian-Azeri Conflict	
Interview with Mrs. Naira Melkumian,..... Foreign Minister of Nagorno Karabakh The Realisation of Confidence Building Measures in the Region is a Real Way to Peace Interviewed by Gayane Movsesyan	48
Manvel Sargsyan, NKR..... New Attitudes and Perceptions in International Development as a Key to the Karabakh Conflict Resolution	52
Mkrtych Zardaryan, Armenia..... The Karabakh Conflict: the Background of its Resolution	56
Suren Zolyan, Armenia	62
Nagorno Karabakh: the Problem and the Conflict	
Hripsime Nalbandyan, Czech Republic	69
Local Conflicts and Their New Possible Peaceful Solution	
Authors	80
About ISCRD	84
About Friedrich Ebert Stiftung.....	88

Винфрид Шнайдер-Деттерс

Координатор по Кавказу и Центральной Азии

Фонд имени Фридриха Эберта

Состояние между войной и миром, в котором пребывают Армения и Азербайджан, опасно, поскольку в этом балансируении чаша весов склоняется скорее к войне, чем к миру. Поэтому самое время устранить причину войны: этнически-территориальный конфликт вокруг Нагорного Карабаха.

Фонд имени Фридриха Эберта хотел бы внести свой скромный вклад в дело мирного разрешения этого конфликта.

Мы пытаемся это сделать следующим путем:

Уже много лет «Минская группа» в рамках ОБСЕ безуспешно выполняет посредническую миссию между Арменией и Азербайджаном; сам Нагорный Карабах исключен из этих переговоров.

Решение данного конфликта зависит не только от готовности президентов к переговорам, но и от готовности к уступкам и компромиссам населения Армении, Азербайджана и в спорном регионе Нагорный Карабах. На этом фоне Фонд имени Фридриха Эберта поддерживает «гражданскую дипломатию», т.е. региональные инициативы «гражданских лидеров» и политиков, которые ставят целью приблизить мирное решение конфликта в Нагорном Карабахе.

Экономическое развитие всего региона Южного Кавказа возможно лишь при условии регионального экономического сотрудничества. По главенствующему – среди представителей правительства – мнению урегулирование конфликтов является предпосылкой для регионального экономического кооперирования. Но ввиду бесперспективности политических переговоров в рамках международного посредничества выходом из тупика представляется «обходной путь» – через экономическую пользу – сотрудничества между конфликтными сторонами. Поэтому Фонд имени Фридриха Эберта поддерживает начала регионального сотрудничества в регионе Южного Кавказа.

Но еще более успешной представляется перспектива интеграции Кавказского региона (Юга) в надрегиональные кооперационные структуры. Организация Black Sea Economic Cooperation (BSEC) приобретает в этой связи особое значение, поскольку в нее входят все три южно-кавказские республики. Фонд имени Фридриха Эберта считает важной задачей поддерживать в будущем в регионе Южного Кавказа надрегиональное экономическое сотрудничество – включая интеграцию региона Южного Кавказа в европейские экономические структуры.

В предлагаемой книге известные авторы излагают общественности свои идеи в плане решения карабахского конфликта. Я желаю, чтобы эти идеи были приняты во внимание и способствовали бы созданию благоприятного климата для мирного разрешения конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей по проблеме карабахского конфликта открывает серию тематических публикаций Института Гражданского Общества и Регионального Развития (ИГОРР) по актуальным вопросам современного мирового политического и экономического развития, представляющих широкий научный и общественно-политический интерес. Настоящий сборник вобрал в себя позиции, подходы и точки зрения ученых-политологов, экспертов-конфликтологов, политических деятелей, представителей общественных организаций региона Южного Кавказа и за его пределами. Значительную часть статей сборника составляют работы аналитиков ИГОРР.

Исследуя разные аспекты одного и того же явления, каждый из авторов представляет свое видение сути, методов и путей его разрешения. И прежде всего речь идет не только о возможных интерпретациях вышеуказанной проблемы, но и в первую очередь об организации диалога, стимулирования обмена мнениями и дискуссий.

Действительно, существует насущная потребность в более активных поисках урегулирования и разрешения карабахского конфликта (и не только). Однако именно вопрос определения конфликта является камнем преткновения как для теории, так и практики разрешения конфликтов. Комплексный подход к проблеме позволяет рассмотреть не только внутреннюю динамику и природу конфликта, но и роль внешних, международных факторов в его развитии, расширяя тем самым границы науки и возможностей практической политики. Мы надеемся, что развернувшаяся на страницах сборника дискуссия явится теоретическим фундаментом для дальнейших прикладных исследований в области конфликтологии.

Агавни Карабанян

Директор Института Гражданского Общества и Регионального Развития (ИГОРР)

СВОЕВРЕМЕННАЯ И КОНСТРУКТИВНАЯ ИНИЦИАТИВА

Проблема Нагорного Карабаха, Карабахского урегулирования, наравне с многочисленными его аспектами, уже более десятилетия продолжает сохранять актуальность для политиков, военных, экспертов международных посреднических организаций, конфликтологов, экономистов, историков, правозащитников, журналистов и, наконец – вовлеченных в противоборство народов. Процесс обсуждения путей урегулирования в последние времена несколько затормозился, идет поиск формулы, по возможности удовлетворяющей все заинтересованные стороны.

На протяжении долгого и тернистого пути, пройденном субъектами конфликта и посредническими организациями в процессе переговоров, стороны не раз имели реальные основания как для пессимизма, так и для оптимизма. Это нормально, если быть реалистом и не ждать скорых, недостаточно взвешенных решений в нелегком деле мирного урегулирования конфликта в столь важном с геостратегической точки зрения регионе.

В связи с этим нельзя не приветствовать весьма своевременную инициативу независимой научно-исследовательской организации – Института Гражданского Общества и Регионального Развития (ИГОРР) выпуска настоящего тематического сборника. Издание отличают широкий диапазон подходов и мнений и несомненный профессионализм авторов. Оно освещает достаточно широкий спектр актуальных общественно-политических, культурологических, экономических, исторических и иных процессов, происходящих как в самой зоне конфликта, так и в регионе в целом. Не ставя целью выдвижение готовых решений, авторы предлагаю взглянуть на исследуемые вопросы с различных, порой диаметральных, позиций. Расширяя видение проблемы в целом, они освещают многие важные ее составляющие. Особо хотелось бы подчеркнуть то новое, что характерно для сборника – стремление ряда авторов исследовать проблему в контексте современных геостратегических реалий, опирая результатами анализа актуальных угроз и перспектив. Думается, что этот подход оправдан и представляется весьма конструктивным и многообещающим, особенно в свете мировых геополитических и иных трансформаций современности.

Предлагаемая вниманию читателя книга, будучи ориентированной на снижение уровня конфронтации и достижение долгосрочного мира в нашем регионе, представляет собой как значительную теоретическую, так и зримую практическую ценность.

**Генерал-майор Артур Агабекян
Заместитель Министра Обороны
Республики Армения**

Александр ГРИГОРЯН

**Аналитик ИГОРР
НКР**

УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА НАЧИНАЕТСЯ С ПРЕКРАЩЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Вот уже двенадцать с половиной лет как ведутся безуспешные поиски урегулирования нагорно-карабахского конфликта. Режим прекращения огня, который соблюдается сторонами противостояния с мая 1994 года и по настоящее время, отнюдь не означает, что наметились подвижки в достижении всеобъемлющего политического урегулирования. Скорее, наоборот: к весне 2001 года азербайджанская сторона вновь стала выступать с угрозами возобновления военных действий с целью разрешения проблемы Нагорного Карабаха силовыми методами.

Тупиковая ситуация в переговорном процессе по урегулированию, который проходит под эгидой Минской группы ОБСЕ, объясняется тем, что стороны конфликта по-прежнему придерживаются диаметрально противоположных позиций по основным принципам решения карабахского вопроса. Ереван и Степанакерт, в частности, исключают саму возможность наличия вперед каких-либо вертикальных отношений между Азербайджаном и Нагорным Карабахом, в то время как Баку настаивает на возврате именно к таким отношениям. По-разному стороны конфликта подходят и к пониманию самой сути карабахской проблемы. В Ереване и Степанакерте карабахский вопрос воспринимается как проблема самоопределения титульного армянского населения Нагорного Карабаха, а в Баку – как территориальные притязания Армении к Азербайджану под предлогом права карабахских армян на самоопределение.

Примечательно, что практически ни одна политическая организация в Азербайджане, Армении и Нагорном Карабахе, не говоря уже о властях этих республик, не воспринимает позицию противной стороны. Сказанное относится также к средствам массовой информации сторон конфликта, деятельность которых с февраля 1988 года, т. е. со времени возникновения карабахской проблемы в ее нынешнем звучании, способствовала лишь усугублению положения. Практически ни одно правительственные или оппозиционное средство массовой информации в Азербайджане, Армении и Нагорном Карабахе за последние 12 с половиной лет так и не удосужилось предпринять даже попытки проникнуться пониманием позиции противной стороны конфликта и донести эту позицию своему читателю или слушателю. Напротив: с каждым днем полемика между азербайджанскими и армянскими СМИ по проблеме Нагорного Карабаха носила и продолжает носить все более бескомпромиссный, а зачастую

беспощадный характер. Наглядным примером тому может служить хотя бы опубликованное в 1988 году в бакинских газетах изобилюющее оскорбительными выпадами в отношении армянского народа открытое письмо азербайджанских ученых в адрес президента Академии наук бывшей Армянской ССР Виктора Амбарцумяна. «Взвыаем к вашей совести, — говорится в этом письме, под которым стоят 240 подписей. — Третий раз за неполные сто лет армяне являются зачинщиками жестоких столкновений между братскими народами. Обратитесь к вашей интелигенции, остановите бесчинства ваших сограждан. Как можно требовать земли соседа? Азербайджан — не пирог, от которого можно отрезать лакомый кусок. Если не вы, то кто остановит разбушевавшуюся толпу; это ведь на руку только зарубежным армянам-экстремистам. Наш интернациональный (! — Авт.) долг — предупредить об этом вас!».

Отнюдь не научную лексику использовала в развернувшейся полемике также армянская сторона. Сказанное, в частности, относится и к опубликованной в 1988 году в ереванской газете «Коммунист» статье «Истина дороже...», автором которой является председатель Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов при президиуме Академии наук Армянской ССР, доктор исторических наук Хикар Барсегян. Отвечая на утверждения директора Института истории партии при ЦК компартии Азербайджана Даниила Гулиева о том, что карабахской проблемы как таковой не существует и что Нагорный Карабах исконно принадлежит Азербайджану, Хикар Барсегян пишет буквально следующее: «Народ (азербайджанский. — Авт.) ждет от него (от Д. Гулиева. — Авт.) только правду, верит ему, а он что делает? Фальсифицируя историю региона, разве он не чувствует, что успешно льет воду на мельницу противников социалистического общества, торпедируя политику перестройки. А кому это выгодно? Чем быстрее горе-историк избавится от печального наследия Гейдара Алиева... тем полезнее для общего дела, для восстановления межнационального мира»².

Понятно, что если уважаемые в обеих республиках ученые мужи позволяли себе подобные выпады и оскорблении в адрес друг друга, то от рядовых журналистов ожидать терпимости к соседнему народу вовсе не приходилось. Образцом своеобразного журналистского «осмысления» происходящего является сообщение Азербайджанского государственного информационного агентства «АзерТадж» о визите четырехлетней давности Гейдара Алиева в США, опубликованное в газете «Бакинский рабочий». По словам редакторов «АзерТаджа», благодаря этому визиту «обнажилось истинное лицо армян, эта бесчестная нация утратила и то маломальское к себе «уважение», которое она приобрела с помощью денег, должностей мафиозных групп»³.

1 С. Т. Золян, Г. К. Мирзоян, «Нагорный Карабах и вокруг него глазами независимых наблюдателей (сборник документов)», Ереван, Луис, 1991, стр. 53.

2 Коммунист. Ереван, 29 сентября 1988.

3 Бакинский рабочий, Баку, 14 июля 1997.

Таким образом, режим прекращения огня в зоне конфликта не был подкреплен режимом прекращения информационной войны. Следовательно, в вовлеченных в конфликт республиках продолжалось формироваться такое общественное мнение, которое было бы неспособно воспринять компромиссное разрешение проблемы. Именно так обстоит дело в настоящее время.

И все же возникает закономерный вопрос: неужели у пишущей братии конфликтующих сторон не нашлось ни одного журналиста, который призвал бы своих соотечественников не рубить с плеча и попытаться понять позицию противной стороны? Не думается, что таких журналистов нет. Однако выступить с такой точкой зрения перед общественностью своих республик они просто не в состоянии, особенно в Азербайджане, где напрочь отсутствует по-настоящему независимая пресса. Любое печатное издание, равно как и любой радиотелевизионный канал, будь они правительственные, партийными или «независимыми», как правило, отрабатывают деньги своих спонсоров — властей или оппозиционных политических организаций. А для последних главное — это борьба за власть.

Скажем, все силы, правившие в Азербайджане после провозглашения независимости, добились власти, используя проблему Нагорного Карабаха, антиармянскую риторику и идею реванша. Так, Гейдар Алиев, обвиняя в свое время президента Абульфаза Эльчибека в сдаче армянам двух районов Азербайджана, обещал, прияя к власти, быстро решить этот вопрос. Правда, после его прихода азербайджанская армия потеряла полностью или частично еще пять районов, чем в пропагандистских целях стали пользоваться уже противники Гейдара Алиева. Так или иначе, сегодня мы являемся свидетелями процесса становления моноэтнического, национального азербайджанского государства, который предопределяет общенациональный консенсус — стратегическое единство власти и оппозиции в поддержке лозунга «возвращения Нагорного Карабаха». Разумеется, при наличии тактических расхождений, взаимных обвинений и т. д.⁴.

Аналогичная картина в целом наблюдается и в Армении. У всех на памяти отставка в 1998 году Левона Тер-Петросяна с поста главы армянского государства по причине принятия им устраивавших Азербайджан так называемых принципов Лиссабонского (1996 года) саммита ОБСЕ, предусматривавших разрешение проблемы исключительно на основе принципа территориальной целостности Азербайджанской Республики. Обвинения в адрес Левона Тер-Петросяна в том, что он пытался передать национальные интересы армянского народа, в то время изобиловали практически во всех СМИ Армении, за исключением пропагандистских рупоров правящей тогда партии «Армянское общенациональное движение» (АОД).

4 НГ-Сценарии, Доклад Института стран СНГ, Москва, 20 сентября 1997.

Приходим к выводу, что отсутствие вовлеченных в конфликт сторонах подлинно независимых СМИ и является одной из основных причин сохраняющегося журналистского противостояния по проблеме Нагорного Карабаха. Следовательно, этому противостоянию будет положен конец только в случае готовности властей и политических сил Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха пойти на реальные взаимоприемлемые компромиссы, каким нам представляется решение проблемы на основе концепции «общего государства».

В резолюции Европарламента от 11 марта 1999 года по проблеме Нагорного Карабаха отмечается, что только подход, учитывающий все проблемы и общее политическое развитие региона, способен привести к долговременному миру. В этой связи в резолюции подчеркивается, что предложенный сопредседателями Минской группы ОБСЕ мирный план урегулирования (на базе концепции «общего государства») представляет собой основу для обсуждения, которое может вывести переговорный процесс из тупика.

Как известно, Армения и Нагорный Карабах эту концепцию приняли, хотя и она не может сполна удовлетворить Степанакерт и Ереван. То есть, армянские стороны конфликта проявили готовность к подлинно компромиссному урегулированию. Однако Азербайджан выступил против. Более того, ряд авторитетных в Азербайджане бывших официальных лиц, среди которых экс-министр иностранных дел Тофик Зульфугаров и экс-руководитель секретариата аппарата президента Эльдар Намазов, ставшие после своих отставок независимыми политологами, разработали так называемую «Хартию» по урегулированию нагорно-карабахской проблемы, которая, по сути, представляет собой ultimatum армянским сторонам конфликта. Хартия, под которой подписались практически все политические организации Азербайджана, подразумевает решение проблемы в несколько этапов, включающих соответственно «освобождение оккупированных азербайджанских территорий», возвращение азербайджанских беженцев на места их прежнего проживания с обеспечением их безопасности и лишь после этого обсуждение возможности (!) предоставления армянскому и азербайджанскому (!) населению Нагорного Карабаха права на самоуправление – причем при обязательном сохранении полномочий, обеспечивающих государственный суверенитет Азербайджана в отношении высших органов НК. Если Ереван и Степанакерт не пойдут на это, то, по мнению авторов «Хартии», следует начать военную операцию по «освобождению Карабаха».⁵

Таким образом, азербайджанская сторона свою позицию в отношении «урегулирования» определила. И естественно, СМИ Азербайджана сразу начали широкомасштабное лоббирование ультимативной «Хартии», в устной форме поддержанной также официальными властями. Это, в свою очередь, означает, что в азербайджанском обществе ускоренными темпами

⁵ Эхо, Баку, 18 сентября 2001.

идет формирование неприятия любого диалога с армянскими сторонами конфликта. Чего стоит либо одно заглавие статьи в бакинской газете «Зеркало» – «С антитеррористической операцией (читай: возобновлением войны. – Авт.) в Карабахе надо поторопиться, завтра может быть поздно». Автор статьи Р. Миркадыров призывает власти и народ Азербайджана, не считаясь с интересами мировых и региональных стран, решениями и мнениями СЕ и других международных организаций, начать под шумок антитеррористической операции США в Афганистане напасть на Нагорный Карабах.⁶

Завершающим аккордом в антиармянской кампании стали пощечины, которые в прямом смысле слова были нанесены руководителю посетившей в начале сентября 2001 года Баку делегации неправительственных организаций Нагорного Карабаха Карену Оганджянну. Не следует сомневаться, что эти пощечины нанес не какой-нибудь там случайный «хачиванец», как об этом утверждали СМИ Азербайджана, а сама власть этой страны. Кстати, такого мнения придерживается и известный в Азербайджане политик, ныне директор Института мира и демократии Лейла Юнусова. «Смысл удара, который нанесла власть (Азербайджана. – Авт.) по национальному самосознанию собственного народа, еще предстоит исследовать психологам и социологам, – пишет она в «Независимой газете». – А пока мы (в том числе азербайджанские СМИ. – Авт.) остаемся заложниками этой криминальной власти, четко контролирующей даже те сферы и структуры общества, которые призваны быть независимыми, негосударственными, общественными...»⁷

Добавим, что, мягко говоря, к недозволенным в цивилизованном обществе приемам в отношении армян прибегают не только власти, но и оппозиция – в частности, Партия народного фронта Азербайджана (ПНФА), в период правления которой Лейла Юнусова возглавляла информационную службу Минобороны этой страны. К примеру, лидер так называемого «классического» крыла ПНФА (ныне являющейся самостоятельной партией) Мирмехмуд Фаттаев посоветовал соотечественникам отрезать членам карабахской делегации уши и забросать их камнями. И этот призыв не нашел никакого осуждения со стороны СМИ Азербайджана.

Понятно, что там, где власти дают пощечины правозащитникам, а оппозиция советует отрезать им уши, и речи не может быть о демократии и соблюдении прав человека. Между тем в вышеупомянутой резолюции Европарламента прямо сказано, что укрепление демократии и уважение прав человека являются одной из главных предпосылок для мирного урегулирования нагорно-карабахского конфликта.

И с этим нельзя не согласиться. Именно процесс (хоть и медленный, но все же неизбежный) демократизации общественно-политической жизни в

⁶ Зеркало, Баку, 2 октября 2001.

⁷ Независимая газета, Москва, 21 сентября 2001.

Армении и Нагорном Карабахе позволяет армянским СМИ все смелее высказывать свои собственные мысли по карабахской проблематике. Более того, несколько лет назад в армянских СМИ было отмечено даже снижение интереса к этой проблеме. Интересное исследование в этой связи было проведено в 1996 году армянской общественной организацией «Тим». Результаты исследования были просто неожиданными. Так, анализ публикаций восьми наиболее популярных газет Армении (трех русскоязычных и пяти армяноязычных) за февраль – апрель 1996 года показал, что среди пяти приоритетных тематик проблема Нагорного Карабаха заняла: в феврале – 3-е, в марте – 4-ое место, а в апреле вообще не вошла в пятерку затрагиваемых тем⁸.

Между тем даже беглый взгляд на подшивки азербайджанских газет позволяет думать, что «армянский вопрос» в них продолжает превалировать над всеми остальными темами. Причем тон высказываний в отношении проблемы Нагорного Карабаха и армянского народа в целом изо дня в день становится все более раздражительным и агрессивным. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что азербайджанские власти в условиях перемирия, но с помощью информационной войны готовят свой народ к неизбежности возобновления военных действий и попытке силового разрешения проблемы Нагорного Карабаха.

В таких условиях армянские СМИ просто не могут отмалчиваться и готовить свой народ к компромиссам, в то время как противная сторона готовится к войне.

Резюмируя, можем сказать, что информационная война не прекратится до тех пор, пока власти конфликтующих сторон, главным образом Азербайджана, не проявят готовности к достижению подлинно компромиссного всеобъемлющего политического разрешения карабахской проблемы.

Агавин Карапетян

Директор Института Гражданского Общества и Регионального Развития (ИГОРР)
Армения

Нагорный Карабах: посредничество, geopolitika и конфликт

Каждый конфликт как специфическое явление в своих своеобразных проявлениях занимает уникальное место в системе международных отношений и должен быть рассмотрен в контексте совершенно определенных интересов участников этих отношений. Неотъемлемой частью этих отношений и одним из элементов их функционирования является посредничество как государственная политика.

Посреднические миссии вызываются к жизни двусторонней заинтересованностью, поскольку, с одной стороны, являются действенным механизмом давления на конфликтующие стороны, а с другой – позволяют сторонам конфликта овладеть инициативой и создать необходимую международную обстановку вокруг него, искусственно вытесняя из процесса посредничества отдельных, достаточно влиятельных и очень заинтересованных в этом процессе участников. И несмотря на то, что посредничество вызывается необходимостью и стремлением конфликтующих сторон не оказаться в изолированной конфронтации, войти в контакт с влиятельными международными организациями и сильнейшими странами, жизнь посредническим миссиям дает в первую очередь стремление «стран-участниц» конфликта решать свои стратегические и geopolitickие задачи, которые они преследуют не только в зоне конфликта, но и стране, в регионе в целом.

В конечном счете, вся посредническая деятельность сводится не к реальному примирению конфликтующих сторон, а на предельно активное участие в формировании предлагаемых пакетов по урегулированию, как механизма влияния на конфликт. Большие возможности для влияния посредников на ход конфликта создает формирующаяся в ходе посредничества устойчивая зависимость сторон конфликта от посредников, когда миротворчество приобретает принудительный характер, особенно если посреднической стороной является сильная держава.

И поскольку в центре любой посреднической миссии стоят, в первую очередь, взаимоотношения посредников и конфликтующих сторон, то каковым бы ни было посредничество, оно в любом случае является входением, даже вторжением в конфликтную ситуацию, которое неизбежно вызывает не только изменения в существующем состоянии конфликтующих сторон, но и ситуацию, когда подключение одного посредника ведет к желанию участвовать в посредничестве и других. К примеру, в результате такого «вхождения» произошла интернационализация карабахского конфликта, когда после распада СССР

⁸ Общественная организация «Тим», Средства массовой информации Армении, Ереван, 1996.

с активизацией Ирана, а затем и СБСЕ, США и России, сложились качественно новые отношения как между конфликтующими сторонами, так и посредниками. И интересы уже не конфликтующих, а "вошедших в конфликт", стали более значимым (и даже определяющим) фактором, чем интересы самих сторон конфликта.

Посредническая деятельность в карабахском конфликте началась буквально с самых первых дней его начала еще в 1988 году, когда в урегулирование событий в Нагорном Карабахе были вовлечены политические деятели теперь уже бывшего Советского Союза, а затем России. Со временем посредническую миссию взяли на себя Соединенные Штаты Америки, а также ближайшие соседи по региону – Турция и Иран. Участниками процесса урегулирования стали и международные организации, в частности СБСЕ (ОБСЕ), в рамках которой, как известно, в 1992 году специальный мандат для проведения переговорного процесса по Карабаху был предоставлен Минской (по месту проведения конференции) группе ОБСЕ.

В таком изобилии посредников, каждый из них, на фоне провала посреднических действий другого, стремился захватить инициативу. Так, когда при посредничестве России в мае 1994 конфликтующие стороны все же согласились сесть за стол переговоров, противодействующей силой стал СБСЕ, с активизацией посреднических действий которого создалась буквально конфронтационная ситуация между двумя посредниками. "Посредническое соперничество" оказалось настолько серьезным, что на Будапештском саммите в декабре 1994 года в целях получения легитимных прав на посредничество в конфликтах была проведена корректировка устава СБСЕ.

Интересы, вернее даже столкновение интересов, посредников и предлагаемые им схемы урегулирования конфликта определяли не только динамику взаимоотношений их самих, но и всех вовлеченных сторон, и в первую очередь конфликтующих. Усиливающиеся противоречия между самими странами-посредниками, в частности Россией и европейскими членами ОБСЕ оказывали тормозящее воздействие на переговорный процесс.

Безрезультатность посреднических усилий Минской группы в конце концов привела к изменению в составе посредников и стала причиной разногласий между самими посредниками и их взаимных обвинений. Так, Россия, которую никогда не прельщали перспективы превращения Закавказья в анти-российскую дугу и контролируемую ось нестабильности¹, обвинила Минскую группу в отсутствии положительных результатов в урегулировании нагорно-карабахского конфликта и стремилась к ее роспуску и получению международного мандата на урегулирование конфликта, права на ввод в зону конфликта российских миротворческих сил или контингента объединенных сил СНГ. Безусловно, это стремление России приходило в явное противоречие с позицией других стран-участниц Минской группы. А потому, было принято другое

1 См.: Независимая Газета, 26 марта 1997 года

решение: ввести международные миротворческие многонациональные силы в зону конфликта после подписания мирного соглашения. Нужно отметить, что тогда был достигнут один из немногочисленных компромиссов в ходе посредничества в карабахском конфликте. Но компромисс не в урегулировании конфликта, а компромисс между посредниками.

Противоречия посредничества получили особое преломление в действиях одного из посредников – Турции в контексте ее взаимоотношений с Арменией и Нагорным Карабахом. Речь идет, с одной стороны, о возможности Турции оказывать одностороннее давление на Армению, а с другой, – о роли военной зависимости от России, в которой находились стороны конфликта.

Динамика посредничества в карабахском конфликте, разноплановость прямого влияния соседей по региону на ход военно-политических процессов в зоне конфликта, привели к тому, что в результате объективной невостребованности отдельных посредников произошел своеобразный "посреднический отсев". Такой печальной участи удостоилась самая первая попытка посредничества в карабахском конфликте, связанная с пробой сил в урегулировании конфликта со стороны Ирана. Помимо своей объективной невостребованности, Иран был вытеснен из посреднического процесса и в результате конфликта интересов самих посредников.

Таким образом, состав посредников по урегулированию карабахского конфликта, как и любого другого миротворческого процесса, претерпевал изменения до тех пор, пока, в конечном итоге не укомплектовался его "обязательный" состав, который объективно был неизбежен и состоял из самых заинтересованных сторон. А таковыми являются не сами конфликтующие государства, а те участники переговоров, которые преследуют свои достаточно широкие интересы и связывают с урегулированием или же, наоборот, порой, разжиганием и углублением конфликта решение своих стратегических задач.

Так, участие России в посредничестве карабахского конфликта всегда являлось решающим фактором активной вовлеченности в миротворческом процессе по карабахскому конфликту и Соединенных Штатов, которые при опоре на своего партнера по НАТО – Турцию, стремятся к решению своих стратегических задач в регионе, в частности окончательному вытеснению России из региона. Таким образом, посредничество, по крайней мере в данном конкретном случае, является борьбой за стратегические интересы и влияние здесь, что создает практически неразрешимую ситуацию, когда все усилия направляются не на урегулирование конфликта, а на создание такой ситуации "вокруг конфликта", которая способствовала бы достижению этих стратегических целей.

Ситуация политической неопределенности, которая очень часто сопровождает посредническую активность, является удобным механизмом манипуляций как со стороны конфликтующих сторон, отстаивающих свои максималистские позиции, так и со стороны стран, преследующих свои

интересы в этом процессе. К примеру, именно в то же самое время, когда 1997 года администрация Клинтона выступила с предложением направить в зону карабахского конфликта американские войска для наблюдения за урегулированием под эгидой ОБСЕ², Россия совместно с другими сопредседателями Минской группы – США и Францией предложила новый план урегулирования. Значение данных предложений заключалось не столько в самом урегулировании карабахского конфликта, сколько в использовании посреднического фактора в целях изменения отношения Москвы с Западом в сторону их улучшения. Это был своеобразный реверанс России в ее усилиях по сближению позиций и достижения реальной перемены к лучшему, который так и не снял напряженности в ее отношениях с Вашингтоном и не исключил взаимных подозрений в гегемонизме и желании доминировать в регионе в ущерб интересам другой стороны. Соперничество между главными участниками переговоров – Россией, Турцией и Соединенными Штатами, каждый из которых имеет свои стратегические интересы, не позволяет им поступиться даже ради, казалось бы, самого главного в посредничестве – достижения мира в регионе.

Едва ли можно утверждать, что посреднические инициативы проис текают из альтруистического желания отвести непосредственную угрозу жизненным интересам конфликтующих государств, их территориальной целостности или защиты экономических интересов. Участие и желание участвовать в посредничестве вызывается как правило простым пониманием и реальной оценкой сложившейся ситуации, когда дальнейшее развитие событий может идти вразрез с интересами потенциального посредника.

Усердие супердержав на Кавказе, вызванное отнюдь не нефтяными интересами, как это часто утверждается, а geopolитикой (США беспокоят присутствие России в регионе, а последняя в свою очередь стремится сохранить свои позиции здесь любым способом) не могли, да и не могут создать соответствующие условия для урегулирования конфликта. Дипломатические шаги посредников по урегулированию конфликта, которые оказались не в состоянии внести изменения ход событий, лишь создали предпосылки для его затяжного характера и невозможности достижения компромиссов. В конце концов, как показал опыт, посредникам ничего не оставалось как дождаться, когда конфлиkt сам себя исчерпает. Неслучайно деятельность посреднических миссий отошла на задний план, став ненужной и невостребованной, особенно после активизации прямых межпрезидентских контактов Армении и Азербайджана.

Вместе с тем, прямые межгосударственные переговоры отнюдь не означают самоустраниния посредников от переговорного процесса, которые могут сыграть самую позитивную роль в организации прямого диалога конфликтующих сторон – в данном случае Баку и Степанакерта.

2 G.Churkin, H.Saunders, *The Politics of Conflict Prevention in Russia and the Near Abroad*, The Washington Quarterly. Autumn 1997, p. 43

В конце концов, для Армении вопрос Нагорного Карабаха важен, поскольку затрагивает ее национальные интересы, а для Карабаха на карту поставлен вопрос его существования и будущего. Смысл посредничества заключается не в участии в переговорах внешних заинтересованных сторон, а в том, чтобы путем посредничества заставить прийти к согласию не только конфликтующие стороны, но и (что более важно) тех, кто поддерживает конфликт извне.

Ни один конфликт не вечен, а потенциальная взрывоопасность сохраняется потому, что всегда существует потенциальная возможность обострения (редко урегулирования) конфликта действиями участников конфликта и посредниками, когда это в их интересах. А потому, есть все основания утверждать, что любой конфликт легче регулируется без третьей стороны, поскольку посредническая политика, проводимая, как правило, не с точки зрения единых интересов, а с точки зрения интересов каждой из посреднических сторон, может привести в конфликт с национальными и глобальными интересами, и тогда меры по предотвращению конфликта или обострят его, или вызовут новый.

Вместе с тем, парадокс посредничества заключается и в обратной связи конфликтующих и заинтересованных сторон, когда готовность к переговорам и достижению соглашения по Карабаху между конфликтующими сторонами может стать той благоприятствующей обстановкой, в которой к определенной договоренности вокруг конфликта приведут Вашингтон и Москва.

Таким образом, успех переговорного процесса по карабахскому конфликту, всецело зависит и предопределен его решением на двух уровнях: параллельного достижения договоренностей между конфликтующими сторонами, с одной стороны, и между посредниками – с другой, и в дальнейшем, корреляции этих согласованностей. Вторая часть формулы наиболее труднорешаемая, поскольку, как показывает опыт, гораздо легче найти компромисс между конфликтующими сторонами и достичь примирения национальных интересов двух государств, чем привести в соответствие стратегические интересы посредников, вовлеченных в переговорный процесс.

Пути разрешения любого конфликта лежат в причинах, вызвавших его. В этом смысле обязательным условием становления и поддержки устойчивой региональной конфликтной ситуации является наличие комплекса международных интересов, поддерживающих конфликтные отношения. Иными словами, любой локальный, в своих географических параметрах, конфликт имеет международную природу. Простого противостояния сторон, будь то правовое разногласие, политическая или этно-территориальная претензия, не достаточно, чтобы эти разногласия переросли в вооруженный конфликт. Для этого необходима третья составляющая, какой-то и является внешняя заинтересованность, интересы какой-либо третьей стороны в возникновении конфликта. Международная поддержка конфликта, внешняя экономическая помощь и политическая поддержка не только становятся реальной основой возникновения

вооруженного противостояния, но и придают ему характер и определяют его дальнейшую динамику.

Логика данных рассуждений подводит к выводу о том, что урегулирование карабахского конфликта тесным образом связано с региональными и геополитическими интересами заинтересованных сторон, в первую очередь США и России. Будучи вызванные к жизни стремлением ответить на вопрос "кто ты?" конфликты, в конечном счете могут получить свое решение ответом на вопрос "с кем ты?" И если изначально смысл и содержание большинства конфликтов, в том числе и карабахского, сводился к "проблеме обладания властью, как способа стать сильнее, и, следовательно, лучше защитить свои интересы и ценности"³, то потенциальные возможности урегулирования конфликтов связаны с одним условием – совпадения интересов участвующих в них сторон. Только в этом случае заключаются и эффективно работают международные соглашения и договоренности. Чтобы стать участником международных отношений нужно иметь статус национального независимого государства. Отсюда и стремление получить этот статус, пусть даже и вооруженными методами. И там, где существует или вновь образуется национальное государство, защищающее свои национальные интересы, потенциальная конфликтная взрывоопасность существует всегда. Однако возникать они будут именно тогда (а они будут продолжать вспыхивать), когда их начало будет нужно какой-то третьей стороне.

Урегулирование конфликтов меньше всего сводится к посредничеству и переговорному процессу. Посредники оказывают эффективное, но только для них самих, влияние на позиции конфликтующих сторон, и формируют весь переговорный процесс в своих же интересах, поскольку в предлагаемых вариантах регулирования сами же посредники определяют модель конфликта, статус представительства сторон конфликта в переговорном процессе и схему предлагаемых мероприятий.

Против посредничества говорит гораздо больше доводов, чем за него. Зависимость конфликтующих сторон от посредников в большинстве случаев исключает из переговорного процесса непосредственные контакты конфликтующих сторон друг с другом, а иногда эта практика носит преднамеренный характер. Заведомо зная о том, что предлагаемые условия непримлемы для какой-либо из сторон, посредники предлагают именно эти условия, что позволяет поддерживать неустойчивое состояние в переговорном процессе.

Любое посредничество и перспектива урегулирования конфликтной ситуации связаны с одним непременным условием – наличием интересов в поддержку урегулирования конфликта. Однако интересы посредников могут требовать не только урегулирования, но, напротив, поддержки конфликта. Кроме того, в любом обществе всегда есть силы, которые стремятся использовать существующие конфликты и даже их возбуждать в целях извлечения из них политической выгоды в своей борьбе за власть. В

3 Сэмюэл Хантингтон, Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (отрывки из книги). Pro et Contra, т. 2, N2. Распад и рождение государств, 1997, с.133-134

этом случае посредничество превращается в механизм не урегулирования, а просто регулирования, то есть контроля, развития и влияния на конфликт. Одним из негативных последствий посредничества является его влияние на развитие и состояние военно-политической ситуации не только в зоне конфликта, в регионе в целом, но и на политические процессы внутри конфликтующих государств. Во взаимосвязи развития внутриполитических процессов и динамики посреднических сил, влияние внешних интересов на конфликт намного значительнее, чем влияние развития конфликта на изменение позиций посредников.

Политическая оправданность и необходимость участия и роли третьей стороны, которая пытается убедить лидеров конфликтующих сторон отказаться от вооруженных методов решения своих проблем, ставится под сомнение и тем фактом, что любой посредник, который принимает участие в урегулировании длительного конфликта, рано или поздно, если не изначально, должен бывает встать на чью-либо сторону и должен будет стремиться к тому, чтобы вынудить конфликтующие стороны к согласию.

Несовпадение намерений посредников с первостепенными национальными и даже глобальными интересами приводят в принятию непоследовательных решений: в одном случае, когда это в его интересах, наложить эмбарго на ввоз оружия, в другом – ввиду того, что это в первостепенных интересах не только государства-посредника, но и глобальных интересов – признать суверенитет вновь образованного государства, то есть оказывать ему всяческое содействие, в том числе и военное.

Неоднозначный характер посредничества становится причиной того, что меры по предотвращению насилия могут порой лишь вызвать его. Так заявления международного сообщества и ООН о целостности государственных границ, воспринимаются как добро на использование силы для предотвращения регионального сепаратизма. С другой стороны, например, признание права наций на самоопределение, а народных референдумов в качестве способа этого самоопределения может только усилить насильтвенное расчленение страны.

Все заявления государств-посредников о мирном разрешении конфликтов в действительности означают лишь поддержку какой-либо одни стороны, в зависимости от того, с какой из сторон связаны интересы посредника. Последние всегда заявляют, что хотят положить конец войне, на самом же деле их посредничество сводится к стремлению оказать влияние на ее исход. В результате, посредническая деятельность еще более затягивается, все отодвигают решение проблем, связанных с конфликтом. Большой частью, посредничество является пустой риторикой по поводу желания решить конфликт мирным путем.

Сэмюэл Хантингтон в своем известном "Столкновении цивилизаций" подчеркивал, что, некоторым государствам, "особенно Соединенным Штатам, нужно руководствоваться "правилом воздержания", чтобы избежать в грядущую эпоху крупных межцивилизационных войн, и не вмешиваться в конфликты, происходящие в других цивилизациях. И

только тогда, посредничество как таковое теряет всякий смысл”⁴. Не случайно, что при многочисленности исследований, затраченных огромных средств на выработку концепций и практических программ посредническим мерам, политическая и социальная наука не могут похвальиться наличием в их арсенале одной общей для всех случаев конфликтных ситуаций стратегии. Невозможность выработки таковой указывает на те различия, которые существуют в каждом конкретном случае. И именно эти различия указывают на ограниченные возможности для интересов других государств в регионе и соответственно и ограниченные возможности по урегулированию того или иного конфликта. Как бы это парадоксально ни звучало, международная практика посреднической политики пока что не имеет примеров, когда государства-посредники, своими миротворческими усилиями предотвратили бы назревающий конфликт или же урегулировали бы его своими усилиями. Напротив, как показывает опыт, вмешательство внешних сил, пусть миротворческо-посредническое, на начальном этапе лишь способствует превращению конфликта в вооруженное столкновение, а в дальнейшем затягивает и препятствует процессу его урегулирования.

Окончательное урегулирование карабахского конфликта возможно в том случае, когда он будет решаться в контексте с налаживанием диалога не только между Степанакертом и Баку, Ереваном и Баку, но и Ереваном и стратегическим партнером США в регионе – Турцией, в чьих отношениях с Арменией явно наметились сдвиги в сторону их нормализации. А прогнозируемое усиление позиций США в Армении и во всем регионе, в частности, в экономической сфере, могут в полной мере способствовать складыванию новых отношений между Ереваном и Анкарой.

Действительно, эти две проблемы – урегулирование карабахского конфликта и изменение статуса взаимоотношений Армении и Турции – находятся в прямой зависимости друг от друга. Однако не решение карабахского противостояния должно явиться условием налаживания армяно-турецкого диалога, а, наоборот, размораживание армяно-турецких отношений должно способствовать разрешению карабахского конфликта. Первичным должно стать улучшение отношений между двумя государствами, которое логически приведет к разрешению конфликта.

В этой связи, большого внимания достойны перспективы развития коммуникационной взаимозависимости, объединения всех заинтересованных государств, главным образом закавказских, составляющих основу Стамбульских предложений армянского президента о создании в целях гармонизации единой Европейской системы безопасности общей системы региональной безопасности на Южном Кавказе. Создание такого пояса безопасности диктуется создавшейся военно-политической реальностью в зоне карабахского конфликта, когда наличие действующей, но не имеющей правового признания, военной и

государственной структуры в Нагорном Карабахе, контролирующей территории с различным правовым статусом, в течение длительного периода неразрешимости, может способствовать появлению новых политических интересов как в самом регионе, так и за его пределами и стать дополнительным фактором поддержки конфликтной ситуации.

Урегулирование карабахского конфликта гармонично вписывается в необходимость создания такой системы, если учесть, что он, как и будущая структура безопасности, имеет внутри-региональные характеристики и приложение, и адресованы основным и всем участникам конфликта на международном и внутренне-региональном уровне.

⁴ Сэмюэл Хантингтон, Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (отрывки из книги). Pro et Contra, том 2, N2, Распад и рождение государств, 1997, Там же, с.133-134

Александр Русецкий
психолог-конфликтолог,
Южно-Кавказский Институт
Региональной Безопасности.
Грузия

Нагорный Карабах – взгляд из Тбилиси

События, происходящие на территории Южного Кавказа касаются всех нас и поэтому мне крайне приятно было предложение коллег из Армении – написать мое мнение о проблеме Карабахского конфликта и возможностях его урегулирования.

Особенно важно участие экспертов из стран Южного Кавказа, мнение которых, к сожалению, в недостаточной степени учитывается политиками как на национальном, так и на международном уровне. Говоря другими словами, интеллектуальные и профессиональные ресурсы нашего региона используются крайне неэффективно. С этой целью нами разработали идея создания Южнокавказского Института Региональной Безопасности, который создаст условия для интеллектуальной интеграции и создания в перспективе моделей Системы Региональной Безопасности стран Южного Кавказа.

Карабахский конфликт нельзя рассматривать в отрыве от других конфликтов, протекающих на территории Южного Кавказа. По многим параметрам он сложнее Абхазского и Чхинвальского конфликтов. Многие эксперты считают, что именно поэтому в случае решения этого конфликта, остальные проблемы в регионе решатся автоматически – по принципу «домино».

Другие эксперты считают, что правильнее было бы начать решение с проблем более малого масштаба и развивать интенсивность миротворческого процесса в регионе поэтапно.

Обе позиции заслуживают внимания и уважения, хотя и представляют попытки решения задач в плоскости, тогда как разрешение их возможно лишь в пространстве с большей степенью измерения.

Необходимо также учесть, что без объединенных усилий решение конфликтов на Южном Кавказе невозможно. Вообще, представляется необходимым проведение дополнительных многосторонних активностей по укреплению и развитию региональной идентификации. Ведь жители Южного Кавказа сильно отличаются от своих северо-кавказских соседей, что еще раз доказывает приоритет развития именно южно-кавказского регионального сотрудничества.

Без существования региональной идентификации, элементов регионального мышления мы не сможем достичь успехов в нашей деятельности, как бы мирно настроены мы ни были. Это крайне трудная, но разрешимая задача и именно с нее и надо начинать строить общую систему безопасности в регионе.

От политического провинциализма, мешающего развитию даже государственного мышления в странах Южного Кавказа, необходимо все-таки стремиться к региональному мышлению.

Необходимо достичь взаимопонимания между сторонниками двух основных geopolитических векторов. Эта старая проблема должна быть решена опять-таки совместными усилиями не в пользу одной или другой «партии», а с целью перехода на новый уровень политической культуры – именно это и может явиться основой новой системы региональной безопасности.

Необходимо использовать уникальный исторический опыт Азербайджана, Армении и Грузии и учиться на своих и на чужих ошибках, иначе наши национальные организмы будут погибать в зародыше.

Каждый из конфликтов в нашем регионе можно рассматривать в этом контексте. Только в этом измерении возможно решение южно-кавказских конфликтов. Все остальные пути в лучшем случае будут представлять из себя попытки замораживания и углубления эти проблем, но никак не решать их. Постоянная напряженная ситуация в регионе – дорога к региональной нестабильности и к временным, недетерминированным победам то одной политической группировки, то другой – и на уровне отдельных государств, и на уровне региона в целом.

В Грузии это особенно проявляется в том, что в течение последних ста лет она существует то под одним политическим флагом, то под другим. «Меньшевики» сменяют «большевиков», и этот процесс продолжается в одной и той же плоскости. Нет политического развития. Нет силы или энергии вывести систему на новую орбиту.

Состояние дел в нашем регионе напоминает такое заболевание, как туберкулез. Да, именно политический туберкулез. Как туберкулезные напочки, так и разношерстные провинциальные установки раздирают на клочья жизненно важные органы регионального организма. Для борьбы с этой болезнью необходимо прежде всего осознание желания жить, а не содействовать процессу самоубийства общественного организма. Имея общую осознанную цель, мы сможем совместными усилиями решать задачи, необходимые для её достижения.

Ваагн Агян

кандидат исторических наук
ИГОРР
Армения

Трансформации внешней политики РФ и их воздействие на урегулирование карабахского конфликта (1991-1994 гг.)

Российская политика в отношении конфликтов на постсоветском пространстве на протяжении первой декады независимости подверглась значительным метаморфозам, как в концептуальном, так и в практическом отношениях. Содержание, формы и средства российской стартагии в отношении закавказского региона самым непосредственным образом были связаны с конфликтными процессами, происходящими в этой неспокойной части постсоветского пространства, по сути предопределяя базовые приоритеты и интересы российской политики в регионе. Существование неурегулированных конфликтов и состояние "ни мира, ни войны" на Южном Кавказе и на данный момент играет ключевую роль в российской политике в отношении региона, хотя развитие отношений с закавказскими государствами со второй половины 1990-х менее жестко увязано с политической неурегулированностью этих конфликтов.

Начальный период развития РФ характеризовался явным стремлением политического руководства страны временно дистанцироваться от нестабильного постсоветского пространства. Либеральная внешнеполитическая парадигма российского МИДа, ассоциируемая в то время с именами А. Козырева, Е. Гайдара, А. Шохина и других демократов, исходила прежде всего из необходимости динамичной интеграции РФ в "цивилизованное сообщество" развитых демократий Запада. При этом "экономический детерминизм" реформаторского правительства Е. Гайдара, предполагавший императивность концентрации внутренних ресурсов страны в целях проведения эффективной экономической реформы, отрицал возможность активного вовлечения России в постсоветское развитие новонезависимых стран. В дальнейшем эта дилемма свелась к формуле "либо реформа, либо реинтеграция".

На практике же за провозглашенной министром иностранных дел А. Козыревым идеей создания пояса добрососедства по периметру границ РФ скрывалось отсутствие позитивной концепции развития взаимоотношений России с бывшими республиками СССР. Примечательно также, что либералами был перенят также один из главных постулатов горбачевского "нового мышления" о вторичном характере военных угроз безопасности государства. Следуя этой логике, МИД РФ официально заявил об отказе использования силы в отношениях с "ближним зарубежьем".

В приложении к карабахскому кризису и путем его урегулирования такого

24

рода "неоизоляционистские" установки выразились в полной политической поддержке усилий СБСЕ по разрешению конфликта. По замыслу демократов первой волны в условиях нового этапа в международных отношениях открывалось широкое поле для разрешения существующих конфликтов политическими средствами. Тем не менее сама Россия в начале 1990-ых не проявляла особой политической активности в урегулировании карабахского конфликта в рамках СБСЕ либо СНГ. Более того, в марте 1992 г. А. Козырев не исключил возможности использования миротворческих механизмов НАТО в целях стабилизации обстановки в зоне вооруженного противостояния. Тот же лейтмотив присутствовал в позициях А. Козырева во время его первого официального визита в Закавказье (апрель 1992 г.).

Безусловно, пассивность России в этот период была обусловлена рядом объективных факторов. В их ряду следует особо отметить отсутствие эффективного механизма реализации внешнеполитических решений. В институционально-правовой плоскости функции выработки и реализации внешней политики были возложены на МИД РФ. Однако не были еще сформированы основные госструктуры, призванные обеспечивать национальную безопасность и интересы страны за рубежом. Исходя из этой реальности, при отсутствии одной из важнейших компонентов российской политики в "ближнем зарубежье" – военной составляющей, по крайней мере было нецелесообразно выступать с жестких позиций собственных интересов. Кстати, в апреле 1992 г. армянскому руководству об этом намекнул и сам А. Козырев, подчеркнув, что "переход армии (в данном случае закавказских частей-В.А.) под юрисдикцию РФ значительно прояснит ситуацию в регионе".

Создание в мае 1992 г. оборонного ведомства России, не подчиняющегося аморфным структурам Объединенных Вооруженных Сил (ОВС) СНГ, действительно бросило концептуальный и институциональный вызов либеральным подходам МИДа. Характерно, что опубликованный в мае того же года проект Военной доктрины РФ уже содержал два важных постулата. Во-первых, указывалось на то, что безопасность России неотделима от постсоветского пространства. Во-вторых, ввиду ограниченности ресурсов, обеспечение безопасности рассматривалось сквозь призму геополитического планирования. По сути образование РФ ознаменовало начало новой политики безопасности России в Евразии. С этого же времени начался активный концептуальный поиск наиболее pragматичного курса, отвечающего базовым интересам России в регионе. Выявились также главные предпосылки "центрристского" сдвига в российской политике. Одним из признаков намечающихся перемен стало создание в мае 1992 г. Совета Безопасности РФ со своим достаточно консервативным составом членов.

В практическом отношении МО РФ сразу же были предприняты активные шаги по прекращению кровопролития в Южной Осетии и Приднестровье.

25

Впервые, de facto, была применена политика "принуждения к миру", с последующим вводом в разделятельную зону миротворческих сил.

Другим значительным событием стало подписание 15 мая 1992 г. в Ташкенте инициированного МО РФ Договора о коллективной безопасности (ДКБ). Как показало дальнейшее развитие, ДКБ послужило достаточно эффективным инструментом нейтрализации потенциального прямого воздействия региональных держав, в частности Турции и Афганистана, на постсоветское пространство.

Существенно более важное значение в "конкретизации" российской политики Закавказье имело соглашение о распределении вооружений между всеми постсоветскими республиками (за исключением балтийских стран), достигнутое в мае 1992 г. в Ташкенте. В соответствии с ташкентскими решениями было принято решение о передаче всем закавказским республикам равного количества вооружений и техники, учитывая соответствующие лимиты во фланговых зонах Договора об обычных вооруженных силах в Европе. На практике это означало фактическую "институционализацию" контроля над количеством вооружений в регионе со стороны России и существенный рычаг воздействия на военную политику закавказских республик, если к тому же учсть, что весной 1992 г. ЗакВО был переведен под юрисдикцию РФ. Интересно, что 5 июня 1992 г. Совет министров иностранных дел НАТО, выразив свое одобрение относительно ташкентских решений, выступил со специзаявлением по карабахскому конфликту. В заявлении в частности указывалось, что "отныне атлантическому сообществу будет все более и более трудно формулировать четкую политику в отношении кавказского региона".¹

Усиление влияния оборонного ведомства в формировании и реализации российской политики в регионе было обусловлено целым рядом факторов политического и военно-политического характера. На практике со второй половины 1992 г. военное измерение конфликтной политики РФ начало явно превалировать: миротворческие усилия в целом были сконцентрированы в руках оборонного ведомства. Не случайно, что подвергнув критике пассивную позицию МИДа в "ближнем зарубежье", в октябре 1992 г. Б. Ельцин призвал дипломатов более тесно координировать свою деятельность с другими ведомствами РФ. При этом уже в марте 1993 г. перспективы внутренних реформ в России были увязаны президентом с реинтеграцией в рамках СНГ и обеспечением стабильности на постсоветском пространстве.²

Этот свиг нашел свое отражение в сентябрьской инициативе П. Грачева. 19 сентября 1992 г. в Сочи министры обороны Армении и Азербайджана, при посредничестве П. Грачева, подписали соглашение о прекращении огня с 25-го сентября того же года. Перемирие на фронтах так и не успело

вступить в силу, однако обращало внимание заявление министра обороны о вводе миротворческих сил, в случае провала соглашения. Фактически выдвигалась модель югоосетинского и приднестровского урегулирования, правда со ссылкой на предварительное одобрение операции со стороны СБ ООН. Примечательно, что в июне 1992 г. в заявление СБСЕ российскими представителями была включена ссылка о возможности поддержки международных усилий со стороны "миротворческих механизмов СНГ". Однако приложимость этого варианта к карабахскому конфликту была поставлена под вопрос из-за выявившихся политических противоречий. В октябре 1992 г. прибывший с официальным визитом в Москву президент Азербайджана А. Эльчибек заявил о неприемлемости миротворческих инициатив Москвы, поскольку Азербайджан не собирался вступать в Содружество. Тем не менее следует отметить, что рамочный российско-азербайджанский договор в Москве был подписан, в то время как в отношении урегулирования грузино-абхазского противостояния и отношений с Грузией были приняты "дифференцированные" подходы. В частности к концу года российским руководством были приняты два главных принципа в отношении урегулирования абхазского конфликта. Во-первых, нормализация грузино-российских отношений и подписание рамочного договора были поставлены в зависимость от принятия Грузией российских предложений по урегулированию. Во-вторых, было решено не выводить российские части с территории Грузии, повременить с решением относительно их статуса и не передавать вооружения грузинской стороне до урегулирования конфликта.

Определенные изменения наметились также в рамках минского процесса СБСЕ. Римский раунд переговоров, прошедший в июне-августе 1992 г., завершился без каких-либо конкретных позитивных результатов. В июне 1992 г., получив по ташкентским соглашениям огромное количество вооружений, на порядок превосходящее все военные ресурсы армянской стороны, азербайджанская армия развернула широкомасштабное наступление на северные районы НКР. В результате Карабах понес значительные территориальные потери. Очевидно, что в этих условиях достижение не то чтобы политического компромисса, но прекращения огня, казалось делом почти нереальным. В Баку надеялись "дождаться" НКР и таким образом решить проблему как таковую. В среде карабахцев тем временем еще больше укрепилась уверенность, что собственная безопасность может быть обеспечена лишь при опоре на собственные силы.

Выявившаяся неспособность СБСЕ эффективно справляться с постсоветскими вызовами, из-за отсутствия реальных механизмов обеспечения мира, объективно выдвигала на передний план силы, имевшие непосредственные интересы и конкретные рычаги воздействия на региональную ситуацию. Складывающаяся реальность отразилась в фактическом сужении стран-посредников. В конце 1992 г. переговоры уже велись в рамках неформальной "пятерки" Минской группы (МГ) СБСЕ, с

1 New Times International, 1992, N 25, p.8.

2 ИТАР-ТАСС 17.03.1993.

участием Армении, Азербайджана, РФ, США и Турции.³ По сути эта тенденция отвечала интересам России, уже открыто заявившей о существовании собственных стратегических приоритетов в разрешении постсоветских конфликтов.

1993г. стал годом не только серьезных внутриполитических потрясений, но и периодом существенной "коррекции" внешнеполитического курса страны в сторону более жесткого отставания поставленных задач. Вследствие широкой перегруппировки политических сил и принятых шагов по рецентрализации в российском внешнеполитическом истеблишменте был достигнут "центрристский" консенсус в отношении основных принципов и целей стратегии РФ на постсоветском пространстве. Рассуждения на тему о существовании или отсутствии стратегических интересов РФ в "ближнем зарубежье" были отброшены. Первоочередной задачей была поставлена разработка средств по обеспечению этих интересов и выработка долгосрочного курса в отношении СНГ.

Общие параметры обеспечения национальных интересов РФ в "ближнем зарубежье" были обозначены А. Козыревым в январе 1993г. Суть озвученных министром новых подходов, еще год тому назад исповедующего качественно иные взгляды на проблему, сводилась к признанию постсоветского пространства зоной приложения особых интересов России, в отношении которой отнюдь не исключалось возможность "взвешенного применения экономической и военной силы", правда в "миротворческих и правовых рамках".⁴ В при этом сохранение военного присутствия России (за исключением Прибалтики), подкрепленное соответствующей договорной базой, было провозглашено одной из главных составляющих реинтеграционных процессов. "Центрристский" сдвиг российского руководства во внешнеполитической сфере, с усилением умеренного консерватизма в других измерениях российской политики, отразился также в Концепции внешней политики. Последняя, принятая в апреле 1993 г., рассматривалась как "консенсусный" документ, в разработке которого приняли участие все основные ведомства, связанные с внешнеполитической деятельностью. Важнейшим приоритетом исходящим из долгосрочных интересов РФ на южном направлении стала конфликтная политика. В марте 1993 г. Б. Ельцин призвал мировое сообщество и прежде всего международные организации признать Россию гарантом мира и стабильности на постсоветском пространстве, предоставив ей соответствующий мандат международных организаций. Непосредственное вовлечение в урегулирование закавказских конфликтов и миротворчество были признаны разумным и pragmatичным "балансом" между

3 D. Shakhnazarian, "Past and Present of the Nagorno Karabakh problem", Central Asia and Caucasus, 2000, N 6, pp.121-126.

4 "Год минувший и год наступивший", Дипломатический вестник 1993, N 1-2, стр.4.

"неоизоляционизмом" и непосредственным военным вовлечением. Последнее обстоятельство требовало более эффективной координации военных и политических компонентов политики. В то же время между МИДом и МО РФ произошло неформальное "разделение труда": МО сконцентрировалось на решении оперативных проблем "на месте", а одной из наиболее приоритетных задач МИДа стало международно-политическое признание ведущей роли России на постсоветском пространстве.

Здесь следует отметить, что великодержавная риторика и последовавшие за ней шаги были обусловлены не только разгорающейся межвластной борьбой в России. Крен в сторону ужесточения российской линии в Закавказье был предопределен рядом объективных факторов, игнорирование которых было чревато серьезными последствиями уже в ближайшей перспективе. В частности "реактивность" российской политики в свете начала новой фазы вооруженного противостояния в Нагорном Карабахе, потенциально способная дестабилизировать ситуацию на всем Кавказе, причем с вовлечением региональных держав, могла спровоцировать весьма нежелательный сценарий развития событий.

В контексте всех этих процессов, как уже говорилось выше, наметилась тенденция к сужению фактического формата государств-посредников. Есть основания полагать, что предложенная в мае 1993г. сторонам конфликта трехсторонняя российско-турецко-американская инициатива (работы над ней велись с марта по май 1993г.) рассматривалась Москвой как "переходный" этап процесса урегулирования. Предложенный вариант предусматривал жесткое условие: либо стороны принимали его без каких-либо изменений, либо отвергали полностью. Как и в прежних инициативах карабахской стороне предписывался вывод сил из "надавно захваченных" территорий, опять же оставляя открытые вопросы безопасности, конкретизации статуса НКР. План был отвергнут Степанакертом по вполне ясным причинам, хотя 26 мая 1993г. официальный Ереван согласился с предложенным "переработанным" вариантом, сославшись однако на обязательное согласие НКР.

Заслуживает внимание и майский визит П. Грачева в Турцию в период, когда велись активные трехсторонние консультации в Москве. В Анкаре последним были "уточнены" два принципиальных момента российской позиции в связи с карабахским кризисом. Во-первых, планы турецко-российского военно-технического сотрудничества, официально ради чего и П. Грачев прилетел в Турцию, были поставлены в зависимость от невмешательства Анкары в закавказские дела. Во-вторых, министр обороны ясно заявил, что НКР должна быть признана стороной конфликта. Кстати, в трехсторонней инициативе об этом не упоминалось. По сути заявления П. Грачева были "пробными шарами", сигнализировавшие начало фактического отхода России от безрезультатных попыток урегулирования конфликта "совместными усилиями", на основе "общепринятых" принципов.

4 июня 1993 г. в г. Гяндже полковником С. Гусейновым был поднят антиправительственный мятеж, материальной базой которого послужили вооружения 104-й российской дивизии (которая была выведена из АР в мае 1993 г.). В результате выступления протурецких настроенных А. Эльчибей был отстранен от власти и бежал в Нахичевань. Целый ряд политологов склонны видеть в С. Гусейнове московскую креатуру, выдвинутую с целью привода к власти в Баку сил, которые проводили бы политику, как минимум, созвучную интересам РФ в регионе. Об этом косвенно свидетельствовали также и слова шефа Администрации Президента РФ С. Филатова о том, что "избрание Эльчибя было ошибкой".⁵

Переход России к более жесткой схеме отстаивания собственных стратегических интересов, с очевидным преобладанием военно-политических средств достижения поставленных целей, позднее органично вписался в наработанные общедоктринальные установки. Утвержденная Б. Ельциным 2 ноября 1993 г. Военная доктрина РФ ясно "квалифицировала" региональные вооруженные конфликты вблизи границ России, как основной источник угроз безопасности государства, постулируя куда более активную политику, чем это могли себе вообразить либералы в начале 1992 г. Принцип "оставьте нам наши конфликты" вполне логично укладывался в сформулированную осенью 1993 г. А. Козыревым "трактовку" базовой внешнеполитической задачи РФ о сохранении сложившегося на постсоветском пространстве *status quo*. Эта аксиома до самого последнего времени не раз подтверждалась в официальных заявлениях и аналитических выкладках российских специалистов.

Вместе с тем особенностью нового периода региональных развитий стала "работа на опережение". В отличие от начального этапа складывалось впечатление, что практическая политика и реально происходящие события в Закавказье находили свое отражение в международно-политическом и концептуальных измерениях лишь *post-factum*. В этом отношении примечательно, что ночью 8 июня, то есть всего несколько дней спустя после выступления С. Гусейнова, в регион прибыла российская делегация (А. Козырев, В. Баранников, Б. Громов), с целью обсуждения новой российской инициативы. США и Турция сразу же заявили, что не в курсе новых проектов России.

После прихода к власти в Баку Г. Алиева и до установления перемирия на фронтах доминирующая роль в процессе урегулирования перешла к России. С этого же времени существенно активизировалась российская дипломатия. В ноябре 1993 г. была создана межведомственная комиссия по координации участия РФ в миротворческой деятельности. Сопредседателями комиссии были назначены замминистры МИД и МО.⁶

5 Strategic Survey 1993/94, IISS, London 1994, p.93.

В значительной степени были слажены противоречия между дипломатами и военными относительно военного и политико-дипломатического измерений конфликтной стратегии РФ. В июле 1993 г. спикер представитель президента РФ по карабахскому урегулированию, глава российской делегации в минской группе (МГ) В. Казимиrow заявил, что неудача миротворческих усилий СБСЕ обусловлена отсутствием у этой организации реальных средств по обеспечению режима прекращения огня. Постановка вопроса об обеспечении долговременных гарантiiй прекращения огня и откровенно выражавшееся критическое отношение Москвы в адрес СБСЕ по сути ознаменовали начало самостоятельного и одностороннего курса России в урегулировании вооруженного противостояния. Основными элементами российского плана урегулирования стали проведение операции по поддержанию мира в зоне конфликта под эгидой СНГ и императивность признания Степанакерта стороной конфликта, с вовлечением НКР в переговорный процесс. Проблема статуса должна была быть решена на втором либо на третьем этапе.

В сентябре 1993 г., после вступления Азербайджана в СНГ и присоединения к ДКБ, создались институциональные возможности и политические предпосылки для урегулирования конфликта в рамках СНГ. В сентябре 1993 г. при посредничестве России в Москве состоялся целый ряд встреч и переговоров между представителями Армении, Азербайджана и НКР. Важным событием стали состоявшиеся 23-24 сентября прямые переговоры между Г. Алиевым и руководителем ГКО НКР Р. Кочаряном и достигнутая договоренность об установлении перемирия. Примечательно, что к московским обсуждениям присоединился П. Грачев, также имевший переговоры с Г. Алиевым и министром обороны РА В. Саркисяном. Как официально сообщалось – "в целях содействия урегулированию конфликта".⁷ Хотя было очевидно, что лейтмотивом этих встреч было рассмотрение возможности отправки сил по поддержанию мира в зону конфликта. Очевидно, о том же шла речь во время рабочей встречи Б. Ельцина и Л. Тер-Петросяна ("обеспечение надежных гарантiiй невозобновления вооруженных действий").⁸ Примечательно, что на фоне активизации политических и дипломатических усилий довольно жестко выступил вице-премьер РФ С. Шахрай. В частности, им было заявлено, что "закавказские республики со своей стороны должны учесть, что их политическая независимость, целостность и развитие зависят от факта – имеют ли они нормальные отношения с Россией".⁹

Характерной чертой российской стратегии в Закавказье на этом этапе стала комплексность подходов. Со вступлением Азербайджана в СНГ перед

6 А. Никитин, Ю. Федоров, О. Хлестов, А. Демуренко, Миротворческие операции в СНГ: международные политические, организационные аспекты, МОНФ, М. 1998, стр. 76.

7 "Красная звезда" 8.09.1993

8 Дипломатический вестник, 1993, N 19-20, стр.53.

9 S. Blank, "The Eastern Question Revived: Turkey and Russia Contend for Eurasia" in Central Asia meets Middle East, ed. by D. Menashri, London 1998, p. 173.

бакинским руководством Москвой был поднят целый спектр политических, военных и экономических вопросов, в свое время отвергнутых протурецкой администрацией А. Эльчибяя. Военный блок российских приоритетов, обсужденный генералом А. Николаевым в Баку, включал проблему возвращения российских пограничников на ирано-азербайджанскую границу и использование РФ Габалинской РЛС. В то же время на передний план были выдвинуты вопросы обеспечения экономических интересов РФ в азербайджанском секторе Каспия. Активизация российских структур ТЭК в Азербайджане была относительно новым направлением региональной политики РФ, хотя ни для кого не было секретом, что отстранение А. Эльчибяя от власти было связано и с нефтяными проектами последнего. В ноябре 1993г. министром топлива и энергетики РФ Ю. Шафраников с азербайджанской стороной были обсуждены возможности участия российских компаний (в первую очередь "ЛУКОЙЛ") в освоении и транспортировке каспийской нефти через территорию России.

Однако ключевой и наиболее "многомерной" проблемой оставалось карабахское урегулирование и позиция Москвы в этом деле. К осени 1993г. выкристализовались основные принципы и элементы российского плана урегулирования. Озученный В. Казимировым план главенствующее значение придавал гарантированному прекращению вооруженных действий, предполагающим дислоцирование в зоне конфликта миротворческих сил (МС) СНГ. В этом контексте необходимо подчеркнуть, что к осени 1993г. карабахским силам самообороны удалось завершить создание буферной зоны безопасности вокруг НКР. С военной точки зрения армянскую сторону устраивало любое соглашение о перемирии, учитывавшее сложившуюся реальность. В это же время был сформулирован принцип "земля в обмен на статус".

Еще одним "измерением" комплексности российской стратегии в Закавказье, свидетельствующем о принятии единой модели системы безопасности в регионе, явилась политика в отношении грузино-абхазского конфликта. В октябре 1993г. между Россией и Грузией было достигнуто соглашение о принятии российского плана по урегулированию конфликта и военном присутствии РФ в Грузии, в дальнейшем оформленное на договорной основе. Характерно также и то, что вскоре штаб ГРВЗ в Тбилиси был подчинен Северо-Кавказскому военному округу.

Хотя достигнутый при посредничестве России позитив в декабре был сведен к минимуму ввиду проявившихся серьезных политических противоречий, тем не менее даже провал сентябрьских соглашений не смог пошатнуть доминирующую роль РФ в карабахском узле.

В декабре 1993г. открыто обнаружились расхождения между Россией и Западом относительно мандата и принадлежности МС. На заключительной сессии СБСЕ России было отказано в предоставлении мандата организации для проведения операции по поддержанию мира в Нагорном Карабахе.

В том же месяце Азербайджан решил военным путем "ревизировать" по

сути уже установленный новый военно-стратегический status quo, предприняв наступление по всему периметру фронта, с использованием в рядах своей армии мюджахедов и наемников других национальностей. С трудом выработанные на московских переговорах российские предложения были отвергнуты, при этом главная ставка была сделана на Запад и Турцию. Однако уже в феврале 1994г. наступательный потенциал азербайджанской армии был исчерпан. Между тем, и Турция, и НАТО воздержались от оказания непосредственной военной помощи Баку. В условиях серьезнейшей угрозы потери северных коммуникаций вследствие перехода сил самообороны НКР в контрнаступление азербайджанские власти вновь обратили свой взор на Москву, выступившей по существу в роли "спасительницы" АР.

Примечательно, что активная посредническая деятельность России, не прекращавшаяся и в период ведения вооруженных действий, была значительно "утяжелена" включением в российскую делегацию военных. Так, весной 1994г., вместе с В. Казимировым в регион прибыл замминистр обороны РФ Г. Кондратьев, курирующий миротворческую деятельность ВС России на постсоветском пространстве. Этот факт со всей очевидностью свидетельствовал о серьезности МО РФ добиться ввода МС в зону конфликта. Подписанное 18 февраля при посредничестве П. Грачева трехстороннее соглашение о прекращении огня и разводе сил, предполагало дислоцирование наблюдателей в разделительной зоне, однако не конкретизировало ряд важных моментов. "Протокол Грачева" скорее символизировал начало "процесса", чем конкретный план действий. Скорее всего некоторая "неопределенность" документа была обусловлена существованием ряда международно-политических проблем, в частности противодействием Запада планам России разместить свои силы в регионе конфликта. В этом свете можно было понять жесткость постановки вопроса о МС П. Грачевым, на состоявшейся 16-17 мая 1994г. встрече министров обороны РФ, РА, НКР и АР. Фактическое перемирие на фронтах установилось после присоединения Азербайджана к бишкекскому протоколу 9 мая 1994г. На встрече министров обороны планировалось закрепить его в форме соглашения, подписав вместе с тем документ, прелюбляющий право на отправку МС СНГ в Нагорный Карабах. Однако М. Мамедов отказался подписать предложенный вариант, как впоследствии оказалось "ввиду отсутствия на то полномочий".

Проблема миротворческих сил активно обсуждалась и после установления фактического перемирия, будучи включенной также в повестку сентябрьского визита Б. Ельцина в Вашингтон. Относительная определенность в вопросе миротворцев была достигнута на будапештском саммите СБСЕ в декабре 1994г. Согласно принятым будапештским решениям ОБСЕ отправка МС СНГ (то есть российских) была снята с повестки. Согласно решениям, силы по поддержанию мира могли быть дислоцированы лишь после достижения политического разрешения конфликта, что отодвигало на будущее также планы по отправке международных сил. Как говориться, "каждый остался при своем мнении".

Из вышеизложенного краткого обзора российской политики в рамках конкретного этапа карабахского противостояния, можно извлечь некоторые выводы общего плана. Во-первых, в условиях общей политической нестабильности и нового этапа становления госструктур в российском государстве, опыт показывает, что в случае возникновения реальных угроз безопасности Россия может консолидировать и направлять ресурсы страны в стратегическом направлении. Не лишие напоминать, что сентибрская активизация миротворческих усилий, происходившая на фоне наибольшего обострения конституционного кризиса, отнюдь не была обусловлена одной лишь внутренней политической необходимостью.

Во-вторых, политический режим, установившийся в России после распада СССР, не был заинтересован в ревизии произошедших кардинальных изменений и развязывании международных войн. Скорее базовой целью РФ в отношении Закавказья была (и остается) сохранение у России "контрольного пакета" в деле формирования региональной стабильности и безопасности. Этот фактор не исключал возможности использования прямых и опосредованных рычагов воздействия на региональную ситуацию, что естественно "предполагало" определенную противоречивость закавказского направления внешнеполитической стратегии РФ. Безусловно, характер и формы российской региональной политики зависели и впредь будут зависеть от складывающейся корреляции военных, политических и экономических факторов.

Наконец исторически сложившиеся реалии предопределяли и предопределяют комплексность рассмотрения всего кавказского региона со стороны РФ. Выработка стратегии в "едином ключе" весьма актуализируется ввиду наличия множества тесных взаимосвязей между народами Кавказа.

Владимир Казимиров
Посол,
Бывший сопредседатель
Минской группы ОБСЕ
от России

ВЫВЕСТИ КАРАБАХСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ ИЗ ТУПИКА

Уже к минувшему лету улетучилась легковерная надежда завершить мирное урегулирование карабахского конфликта до конца календарного года. Наоборот, стала чаще возникать напряженность из-за воинственных заявлений в Баку. Международная пресса заметно потеряла интерес к урегулированию. И не случайно получил иное назначение главный иллюзионист эйфории – Сопредседатель минской группы ОБСЕ от США Кери Кэвона, который был во всём прочем весьма компетентным и напористым переговорщиком.

С 1994 г. вокруг Карабаха держится прекращение огня, достигнутое при посредничестве России, а превратить это перемирие в мир не удалось – ни сопредседателями минской группы, выдвинувшим в 1997-99 гг. три варианта развязок, которые были отклонены то азербайджанской, то армянскими сторонами, ни президентам Г.Алиеву и Р.Кочаряну, так и не достигшим финишной ленты на марафонской дистанции своих встреч. Несмотря на немалые усилия, на внимание международного сообщества, подбадривающие аплодисменты посредников и пропагандистскую суету, воз политического разрешения конфликта за 7 лет так и не свинут с места. «Так и не получилось» – стало заунывным рефреном этой непомерно тягучей песни. Неужели эта материя сама по себе так фатально неподатлива? Неужели нет средств если не для чудодейственного прорыва, то хотя бы для реальных сдвигов вперед в урегулировании по Карабаху? Конечно, можно сослаться на сложность, размах и ожесточенность конфликта 1988-94 гг. (и даже необычность его конфигурации – в чем-то двустороннего, а в чем-то и трехстороннего – ведь конфликт смешанный: и внутригосударственный, и межгосударственный), на давнюю чересполосицу периодов мирного сожительства армян и азербайджанцев и кровавых разборок между ними. Это всё бесспорно, но разве дело только в объективных трудностях? Нет ли среди помех и субъективных факторов: перекосов и заблуждений в подходах к урегулированию вокруг Карабаха?

Прежде всего, стоит присмотреться к целям и методам урегулирования. Насколько верны и реалистичны цели сторон, насколько сочетаются с ними методы действий, в особенности поиск пакетного решения всех спорных проблем сразу?

Бросается в глаза, что противостоящие стороны и поныне ещё не освободились от следов конфронтационного менталитета, присущего

войской фазе конфликта. Они так ёщё и не готовы к заключению мира «без победителей и побежденных». Одна из них стремится взять реванш за фронтовые неудачи за столом переговоров, а не то грозится – снова на поле боя! Другие, наоборот – добиваются по максимуму политico-юридического закрепления своих военных успехов 1993–94 гг. Переговоры ведутся сторонами с явно запросными, максималистскими позициями. Ни одна из них не спешит серьезно двинуться навстречу другой ради достижения прочного, долговременного компромисса.

Согласитесь, что совсем не безразлична, более того – крайне важна базовая установка каждой из сторон на переговорах, а они продолжают преследовать будто бы патриотические, а на самом деле «вчерашние», вовсе не перспективные цели. От этой установки во многом зависят не только ход и исход урегулирования, но и судьбы обоих народов – страдать ли им и дальше от неурегулированности конфликта, депрессии и растущей эмиграции, истекать ли кровью в новых противоборствах, впадая в глухую отсталость? Общим подходом к улаживанию конфликта определяется и масштаб возможных взаимных уступок, которые с лихвой окупились бы обоим народам благами прочного мира и столь необходимого, но пока столь дефицитного регионального сотрудничества.

Думается, что объективно уже давно настал полная смена вех. Этого требует и обстановка в мире. Но никто из политических руководителей сторон так и не отважился провозгласить стержневой целью урегулирования достижение исторического примирения, мирного сосуществования между армянами и азербайджанцами, которым суждено жить если не вместе, то совсем рядом. Не осмеливаются показать, что осознанные национальные интересы, жизненная заинтересованность обоих народов в мире, развитии и благополучии настоятельно требуют решительно положить конец вековым разборкам с соседом, полностью нормализовать отношения с ним. Что непреимлемы ни попытки какого-либо реванша, чреватые новыми потрясениями для повязанных во многом общей судьбой армянского и азербайджанского народов, ни стремление юридически «материализовать» достигнутое в прежних боях, ни заключение какого-то соглашения ради временных передышек (пусть даже она исчисляется не годами, а десятилетиями). Пора осознать необходимость масштабного, исторического примирения, избавляющего оба народа в новом тысячелетии от рецидивов прошлого. Чуть-чуть может утешить то, что в этом своих лидеров всё чаще опережают участники «народной дипломатии». В частности, армянские и азербайджанские журналисты, которые с первой своей встречи в Москве в 1994 г. заботились тем, чтобы не содействовать созданию образа врага из соседнего народа.

Пробрасывая логический мостик от политической проблемы избрания цели к «технологии» адекватных методов урегулирования, следует заметить, что только высокая цель исторического примирения могла бы оправдать поиск «пакетного» решения, которое требует от сторон значительных уступок друг другу. «Пакет» просто не достичим ни мелкими уступками друг другу, ни симуляцией крупных.

Наконец-то, всё больше осознаётся, что в нынешних условиях просто **неподъемно полное, пакетное решение конфликта**, как бы заманчиво оно ни выглядело. В принципе «пакет» идеален как метод – разом разрешаются все проблемы, каждая из сторон сразу знает, что получает и что отдаёт. Но для этого необходимы некоторые условия: сравнительная несложненность спорных проблем, скажем, их «симметричность» (что редко бывает при вооруженных конфликтах); реалистичность и решимость лидеров, их способность одновременно пойти на существенные уступки (разумеется, сбалансированные) и убедить свой народ в необходимости коренной развязки конфликта даже ценой небезболезненных уступок ради высшей цели мира и сотрудничества.

Есть ли сейчас объективные и субъективные условия для успешного решения карабахской проблемы, именно «пакетом»? Увы, мало кто рискнет утверждать, что есть все необходимое. Это было бы ещё одна иллюзия. Но ведь именно над пакетным решением бились в основном последние годы и посредники-сопредседатели, и президенты Армении и Азербайджана. И до сих пор ещё не отказались от тщетных поисков взаимоприемлемого «пакета»! В этих перекосах, в явном несоответствии целей и методов урегулирования и кроется, на мой взгляд, одна из главных причин затяжного тупика в карабахских делах.

В нынешних условиях Азербайджана, Нагорного Карабаха и Армении, когда никто из лидеров не рискнул провозгласить на словах и торить делами путь к межнациональному примирению, представляется более рациональным и реалистичным поэтапное решение проблем. Разумеется, поэтапное не в том смысле, что сначала удовлетворяются требования одной из сторон (даже вполне законные), а только потом рассматриваются вопросы, интересующие другие стороны. На каждом этапе необходимо связать небольшие «пакеты» с тем, чтобы все стороны получили удовлетворение (возможно, даже неполное) некоторых из своих требований, пусть вначале даже не самых основных. Наверняка за 7 лет можно было решить целый ряд проблем, создав позитивную динамику и более благоприятную атмосферу, нежели годами сидеть в тупике, доводя людей до отчаяния и исхода из страны.

Конечно, логика поэтапного урегулирования требует необратимости достигнутых договоренностей и непрерывности переговорного процесса. Нерешённость главных спорных проблем на первых этапах тем не менее не должна мешать развивать другие узлы (для этого стороны не должны позволять себе зацикливаться на претензионных, искусственных увязках).

В «Независимой газете» от 30 мая с.г. посыпал я предложить один из возможных наборов для первого этапа: 1) освобождение полосы на юго-западе Азербайджана вдоль границы с Ираном; 2) быстрое возобновление функционирования железной дороги Баку-Мегри-Нахичевань-Ереван; 3) начало прямых переговоров между Баку и Степанакертом по статусу и безопасности Нагорного Карабаха. Таким образом, каждая из сторон получила бы уже на первом этапе довольно ощущимые выгоды. (Правда, корреспондент армянской газеты «Аз» изловчился весьма своеобразно изложить эти предложения: будто бы речь идет не о трех практически

одновременных действиях в рамках первого этапа, а о поочередных шагах — сначала первое, затем второе, потом третье, что извратило весь смысл моих предложений).

В недавней интернет-конференции президент Р.Кочарян вновь ратовал за пакетное решение конфликта и выдвигал довод о том, что интересы безопасности Нагорного Карабаха будто бы не позволяют освободить тот или иной занятый район Азербайджана. Уход армян из некоторых районов за пределами Нагорного Карабаха был бы весьма существенным шагом в урегулировании. И он никак не подрывал бы его безопасность при условии, конечно, глубокой и длительной демилитаризации освобождаемых зон (причем под международным контролем и гарантами). Скажем, на первом этапе после саперов в эти зоны вернулись бы азербайджанские беженцы в сопровождении лишь гражданской полиции и пограничников (но ни воинских частей, ни тем более тяжелых вооружений). Нет ли в позиции президента Армении избыточной жесткости и «перестраховки»? Негибкость, а иногда даже «оцепенение» присущи и другим сторонам. Так Баку давно упорствует в непризнании Нагорного Карабаха стороной в конфликте, в отказе начать переговоры со Степанакертом, в раскрытии предлагаемого им Нагорному Карабаху статуса максимально широкой автономии. Первое противоречит позиции ОБСЕ да и тексту резолюций Совета Безопасности ООН. Второе — довольно широкой практике в ходе урегулирования конфликтов (Тбилиси-Сухуми, Кишинёв-Тирасполь и т.д.) да и целому ряду прямых контактов между Баку и Степанакертом на протяжении 1993 г. Третье — собственным интересам Азербайджана: будучи остро заинтересован в сохранении территориальной целостности, Баку, казалось бы, давно должен был первым выдвинуть конкретные параметры автономии. Еще один образчик негибкости сторон, которая бьет по их собственным интересам, — отказ Баку в мае 1992 г. от созыва Минской конференции СБСЕ до ухода армян из Шуши и Лачина. Справивается, кто выиграл от такой тактики Азербайджана? Избавление от искусственных тупиков, от подобных «табу», не имеющих рационального объяснения, лишь ускорило бы переход к реальным сдвигам в урегулировании.

Илишне много стороны усердствуют в пропаганде, в основном для внутреннего потребления, хотя это усердие чаще всего вредит интересам урегулирования. Например, одна сторона сплошь и рядом обвиняет другую в невыполнении резолюций СБ ООН 1993 г. При этом, как правило, проявляется выборочный подход к содержанию резолюций: выхватывается то, в чём уязвима другая сторона, тогда как положения, невыполненные данной стороной, остаются в тени. А ведь все три стороны не выполнили в 1993 г. основные требования всех четырех резолюций СБ ООН - о прекращении огня, военных и враждебных действий. Бои продолжались на протяжении почти всего 1993 г., а срыв целого ряда прекращений огня, достигнутых тогда при посредничестве России, привел к резкому росту числа жертв и разрушений, захвату обширных территорий, не затронутых ранее войной. Так что, обвиняя других в невыполнении резолюций СБ ООН, не следовало бы забывать и про себя. Подобные обвинения, лишенные

объективности, не выходят из разряда пропаганды, рассчитанной на не слишком сведущих людей.

Многие пропагандистские трюки сторон общеизвестны, мешают восприятию даже вполне серьезных вещей, служат лишь закреплению взаимного недоверия. Чего стоят «округленные» одной стороной арифметические выкладки и по размерам территорий, и по числу беженцев! А как воспринимать всеврэз эквилибристику в наименовании захваченных в ходе боев территорий («оккупированные», «занятые», «освобожденные» и т.п. вплоть до термина «зона безопасности»)? Словом, чем больше усилий вкладывается в пропаганду, тем дальше от политического урегулирования. Не очень вразумительно выглядят в последнее время и посредничество по Карабаху. По числу желающих посредничать этот конфликт мог бы претендовать на включение в книгу Гиннеса. Целый ряд государств, международных организаций и видных деятелей пытались играть такую роль, иногда даже явно соперничая в этом (правда, не ясно кто из них, кроме России, мог бы предъявить конкретные результаты). Практически установившаяся затем монополия ОБСЕ так и не оправдала себя. Ее минская группа давно перестала быть посредником, превратившись в механизм для символических консультаций. Но и сопредседатели минской группы продолжали посредничество больше номинально — ездят в регион, выслушивают стороны, но не слишком баюют их собственными предложениями. Года два назад они на тот момент резонно передали эстафету в руки президентов Азербайджана и Армении. А теперь в основном лишь поощряют их диалог, заранее заверяя, что поддержат их договоренности, помогут с международными гарантами. В итоге посредничество по Карабаху несколько деформировано и даже левальировано. Стремление Рассела-Джонстона подключить к нему Совет Европы ловко курьезно, но примечательно тем, что косвенно фиксирует импотенцию ОБСЕ.

Надо сказать, что эрозия посредничества началась с того, что сами стороны в конфликте не ценили его и часто использовали не по назначению. То, что каждая из них стремилась «завербовать» посредников на свою сторону, еще более или менее естественно. Но долгое время конфликтующие стороны слишком увлекались игрой на расхождениях между различными посредниками. Блокируя прогресс в урегулировании своей неуступчивостью и негибкостью, стороны нередко сваливали вину за это на посредников. Они не раз поочередно отвергали ряд их предложений. Однако в последние годы Г.Алиев и Р.Кочарян могли сами убедиться в том, что их подходы к урегулированию не продвигают дело вперед, хотя, конечно, каждая сторона винит в этом другую, а иногда по инерции и посредников. Алиев и Кочарян давно знают друг друга — с первой негласной встречи, организованной российским посредником в Москве в сентябре 1993 г. Как переговорщики оба отличаются жесткостью, большим упорством в отставании своих запросов. Как показал опыт российского посредничества, обоим — хотя и в разной мере — не чужды отходы от ранее согласованных договоренностей (поэтому откат после встреч в Париже и Ки-Уэсте для нас

не сюрприз). Нельзя скрыть того, что оба «повязаны» своим прошлым – активной руководящей ролью в период военных действий. Сковывает их и будущее: стремление переизбраться на свой пост на выборах в 2003 г., ставшее теперь явным, заставит обоих президентов проявлять особую осмотрительность, а это значит, что ждать «прорыва» в ближайшие годы не приходится. А как бы хотелось ошибиться!

Для того чтобы вывести карабахское урегулирование из тупика необходимы весьма существенная переориентация исходных установок на переговорах и выбор адекватных методов работы. Или четкий курс на высшем уровне на примирение двух народов и тогда бы был оправдан поиск пакетного решения. Или менее броская, но реалистическая установка на постепенную прагматическую развязку одной группы спорных вопросов за другой. Именно прагматическая, ибо состязание на уровне принципов урегулирования (подобное лиссабонскому) может лишь закреплять тупиковую ситуацию. Всем сторонам и их руководителям хорошо знакома русская поговорка «тише едешь, дальше будешь». Тут она очень может быть к месту.

А участие в примирении двух народов будет цениться в истории никак не меньше, чем срок пребывания в президентском кресле, даже если не все современники и соотечественники успеют своевременно оценить эту роль. Тогда международные посредничество и будущие гарантии также обретут совсем иную значимость.

Вердиева Земфира

Председатель “Общества женщин Азербайджана”
Член-корреспондент Академии Наук Азербайджана.
Член парламента Азербайджана от женских организаций.
Азербайджан

Афаг Искандерова

Президент Ассоциации “Женщины в музыке”
Азербайджан

Миротворческая деятельность женщин Южного Кавказа

Прежде чем говорить и писать о конфликте между Азербайджаном и Арменией, следует вспомнить тех, кто нам помогал, устраивал встречи, сажал за стол переговоров, незримо присутствуя рядом.

Это категорически было бы невозможным без них, ибо мы друг друга видеть не желали. Вспомним годы в хронологическом порядке:

1999 год – Грузия, Табахмеля
2000 год (февраль) – Грузия, Бакуриани
2000 год (май) – Армения, Цахкадзор
2000 год (июнь) – Азербайджан, Баку
2001 год – Армения, Цахкадзор.

Огромная благодарность грузинским женщинам, давшим согласие встретиться армянской и азербайджанской делегациям у себя на родине. И не только предоставившим эту возможность, но и лично участвующим на наших встречах, хотя у самих – война, беженцы, разруха, голод. И именно грузинские встречи заложили основу того, что мы, не желавшие видеть друг друга (имеются в виду женщины Армении и Азербайджана) стали узнавать друг друга, не только слышать, но и слушать. Хочу назвать также Американскую Академию Развития Образования (AED), с Лоуренсом Дж. Хелдом – главой миссии в Баку, сотрудницу данного офиса Султанову Жалю Чингиз кызы и аналогичные офисы этой же организации в Тбилиси и Ереване. Это Агентство по Интернациональному Развитию США (USAID) во главе с Вильямом Д. Маккини и аналогичные офисы в Грузии и Армении.

Спасибо им и спасибо нам – женщинам трех стран, что были не только согласны, но и готовы в любой день, в любой стране быть вместе, обсуждать, предлагать своим правительствам пути урегулирования конфликта, т.к. сами такими полномочиями, к сожалению не наделены. Мы учимся друг друга слушать и понимать и надо признать, что в наших отношениях происходят хоть и маленькие, но изменения в положительную

сторону.

Женщины-матери рожают детей для мира, созидания. Какая женщина может сказать, что она хочет войны? Только волчица, и то, наверное, подумает, прежде чем ответить.

В последний раз в октябре сего года добирались три дня до Еревана, хотя нас отделяет всего один час лёта, на конференцию «Диалог Цивилизаций», организованную председателем Ассоциации «Женщины с университетским образованием», очень деятельной деловой и строгой Джеммы Асратян. Это говорит о том, что мы хотели диалога, вернее его продолжения, ибо шли мы к нему долго и трудно. Сегодня мы можем утверждать: да, перелом в наших отношениях произошел. Остались позади слезы, оскорблений, взаимные упреки, обвинения – все то, с чего начинались наши отношения. Ведь чувства, боль захлестывали нас. Мы не хотели разбираться кто прав, кто виноват, а видели лишь «образ врага», которому и высказывали все, что думали. И, слава Богу, не пропали зря старания обеих сторон. Сегодня в Ереване мы чувствуем себя спокойно в кругу знакомых лиц, которые опекают ежеминутно, охотно идут на контакт. Мы уезжаем из Армении каждый раз более уверенными, что годы жизни и труда потрачены не зря. Разве могли мы думать в 1998 году и ранее, чтобы мы, азербайджанки, можем оказаться вдруг в Армении или армянки – в Азербайджане? Но как видно из новой истории наших взаимоотношений, все это оказалось возможным. Хотя и сегодня, не скроем, раздаются голоса: «Зачем едете в Армению?», «Не боитесь?», «Что будете там делать?», «Какой ожидается результат?» и т.д. Порой бывает трудно отвечать на эти вопросы, но нам ясно одно: встречи, диалоги нужны. Мы, ученые и деятели искусств, можем сидеть и писать свои научные статьи и монографии, оградив себя от всего того, что происходит в нашей стране. Не можем, признаемся, не можем!

Книги, монографии – подождут. Люди не могут ждать, устали от смерти, горя, слез, потерь. На луне никто из нас не поселятся, избежав всего того, что происходит на нашей земле. И если мы что-то можем, то будем делать, пусть эта маленькая капля, но она наша, ведь капля за каплей – лужа, а той море. Мы умеем так и будем делать так, приближая дни благополучия и не перекладывая всю тяжесть сегодняшнего бремени на плечи своих детей и внуков. Мы живем и работаем с мыслью увидеть свет в конце тоннеля для детей своей страны и всех тех, кто в ней живет. Чтобы быть откровенными и искренними, хотим сказать, что так живут и думают члены организаций, которые мы возглавляем, т.е. мы хотим, чтобы Карабахский конфликт решился мирным путем.

Но, есть голоса, которые считают, что война – это единственный путь урегулирования конфликта, и мы должны сказать об этом в этой статье. Это голоса людей, оказавшихся беженцами на своей родной земле, потерявших все, это голоса женщин, бежавших в халате и тапочках, прижав к своей груди самое драгоценное – детей, потерявших своих

сынов, мужей, братьев, живущих в нечеловеческих условиях более десяти лет. Они устали ждать и поддерживают идею возобновления военных действий, считают, что переговорный процесс затянулся, хотят вернуться к себе домой, на исконно родные земли, к могилам своих предков. Как же можно их не понять? Так же мыслит определенная часть молодежи, высказывающая готовность воевать. Тревожно, но это правда.

Говорят «худой мир лучше добродушной ссоры», но худой мир – это все-таки не мир, это – неопределенность. И все-таки нужно пытаться разъяснять людям, что война – не лучший способ решения наших проблем. Главное – искать пути взаимопонимания и до последней возможности стараться сберечь это хрупкое перемирие. По крайней мере, чтобы потом не упрекать и корить себя.

Мы с удовольствием и удовлетворением проголосовали за обращение, принятое в Ереване в октябре сего года к женским организациям Азербайджана, Армении и Грузии, где сказано: «Мы обращаемся к политикам, правительствам и парламентам стран региона с призывом не ввергать наши народы в путину хаоса и войны. Исключить насилие как способ урегулирования региональных конфликтов, воздержаться от призывов к возобновлению военных действий!»

Да поможет нам Всевышний и Всемогущий Бог, который един.

Turkish Perceptions on Azeri-Armenian Conflict

At the outset I should like to point out that the views expressed in this paper represent my own perceptions. They may or may not coincide with the official Turkish views.

My aim is not to make a historical analysis of the conflict or lay the blame on Stalin's policies of creating a rift between Azeris and Armenians on the old British model of divide and rule. This is past history. We cannot undo what has been done. We should take the present situation as the basis and try to work out a solution based on compromise. The solution should be one with which both sides can live. Objectively, a compromise solution will not be ideal from the point of view of both sides. On the other hand, a solution based on imposition by one side can not be a lasting solution. That is to be avoided. I want to stress this point because I have read an article by Mr. Igor Muradian who points out that another war is necessary. He espouses a military settlement. According to Mouradian "Azerbaijan will have to register losses significant enough to make Azeris beg their government to put an end to the war. So in the end Karabagh's annexation by Armenia will be accepted by Azerbaijan. I do not think this will work out. Azerbaijan in time will be oil rich and will try to take revenge. The region will continue to be war devastated.

International organisations are vehicles or facilitators to help both sides reach a solution. The two sides are the main actors responsible to find a solution. Other parties can help them so that the final solution can be accepted by the two peoples with the international community overseeing the negotiations. I want to point this aspect since both sides believe that OSCE Minsk Group is useless.

I do not share this view. The group includes countries which may help find a solution. They are a vehicle within which both sides can talk and reach an accommodation. This is important for the public opinion. In the final analysis it is Azerbaijan and Armenia who will find the solution, but the framework will be the Minsk group so that the public opinion will understand that the international community is behind the solution. What I am trying to say is that the public must see some kind of international pressure since both sides are averse to painful compromises. Therefore, both Aliyev and Kocaryan should continue their secret bilateral meetings to reach a settlement and keep it secret.

The solution should be presented as a formula that has been found within the

Minsk Group. Both Presidents in that case can minimize domestic effects that are going to be somewhat negative. Moreover, any solution will have to be accompanied by international guarantees and/or international peace keeping or monitoring forces. Hence the importance of keeping the international community and in this case the Minsk Group in the picture. To this aspect, I will later return.

Over a million Azerbaijanis have been displaced in their own country. This is an important factor. This has been going on for some time. If "palestinian refugees" are created in the Caucasus, this will be a dangerous element for the future; one that is bound to create instability not only in Azerbaijan but in the whole region. Therefore, any solution will have to take into account the immense refugee problem.

Let me now come to the substance. Many Armenians think that Karabagh cannot be returned to Azerbaijan. Let us for a moment believe that this assumption is correct. Those who believe in this must also devise a formula that will compensate this loss for Azerbaijan. Those who advocate an independent Karabagh or who believe in annexation simply avoid the question of compensation. Therefore, I do not think this is a viable solution. Moreover, the international community is against changing borders if there is no agreement to do so.

On the other hand, Aliyev has repeatedly asserted that he is ready to grant the largest autonomy to Karabagh. Some of the papers that I have seen truly indicate Aliyev's intentions. This has to be accompanied by certain international guarantees. I do not believe that this aspect will be difficult. The United Nations Security Council can be the guarantor or delegate its actual implementation to the Organisation for Security and Cooperation in Europe (OSCE). The involvement of the United States, Russia, the European Union and Turkey in this endeavour I think are essential.

Armenians, if this kind of settlement is accepted, will want some kind of geographical link between Armenia and Karabagh. This brings the question of Susha and Lachin corridors and their continued and guaranteed use. Here again, there are precedents which can be taken as examples or new ones can be devised. International involvement will be necessary in this instance as well. OSCE has been drawing up plans taking into consideration certain options for some time. Therefore, once agreed I do not believe there will be insurmountable difficulties for international involvement. Corridors from Karabagh to Armenia will require a reciprocity: corridor or corridors from Naheyan to mainland Azerbaijan. Any peace settlement needs balances and checks. And in the case of Caucasus international guarantees and involvement in my view are absolutely essential.

The type of settlement that has been outlined above is not the only option. There is another one; which perhaps requires greater political courage and even politi-

cal risks. That type of settlement is exchange of lands for peace. Many Armenians think that Karabagh can not be returned to Azerbaijan. Hence annexation. That I believe is unacceptable not only to Azerbaijan but also to the international community. Therefore, if Armenians truly believe that Karabagh should be Armenian territory, then Armenians should be prepared to cede land to Azerbaijan. Naturally such a settlement requires consent of both sides. If both parties see merit in this type of solution, certain actions need to be taken. Such a solution may need ratification not only by the Parliaments but perhaps through referenda by the people as well. This is a radical solution; one that may be seen as more definitive than any other solution. Such a solution brings geographic unity to both Azerbaijan and Armenia. If such a solution is foreseen, the international involvement may not be as massive and as essential as will be the case in the first type of solution. Perhaps initially OSCE monitors may be required. What is truly difficult in land exchanges is drawing up a new map. It is most challenging. In this instance new borders are being created. And we see difficulties in the case of Middle East.

I sense that many Armenians believe time is on their side and that the present situation should continue. I do not agree. Cease fire is important, but the absence of war does not mean peace. The Caucasus needs peace for economic reasons also. The present situation is full of dangers including the problem of refugees. Moreover, it is no secret that Azerbaijan will be oil rich. What if many Azeris start thinking that they can arm and fight to get back their land. It is not a far-fetched idea. We should concentrate on peace. Armenia is losing its population because of economic difficulties. How long can it rely on the Armenian diaspora for economic and political support? Remember that Azeris are not doing so badly in the United States because of its energy sources. One must think the difficulties Israel is facing in the States despite its powerful lobby.

Peace is beautiful and important. It means economic benefits, wealth, prosperity and stability. People or rather politicians rarely dwell on peace benefits; they rather prefer to stress dangers in a solution. I do not think that is beneficial to the people on the street. We should for a moment focus on a peaceful and stable Caucasus and what it means for the peoples. It will mean investment and jobs. It will mean not only triangular but multilateral cooperation. The Caspian region is rich in energy. We should concentrate on what this may mean for the peoples of the region. Contrast this with the present atrophic situation.

There is no doubt that a compromise solution will have negative domestic consequences. But it is the leaders, if they are truly leaders, to convince the public of the benefits of a fair settlement.

A word or two on the role that Turkey could have played or could still play. Many would criticise Turkey for siding with Azerbaijan. Let us not forget that many big or small states do not agree with the Armenian policies. What distinguishes

Turkey's attitude is that it is a neighbour of both parties and thus its policies have naturally greater consequences. There is an element of truth in the claims that if there were diplomatic relations with both parties and if Turkey has not imposed land blockade on Armenia, it could have played a more influential role in bringing peace. We do not know to what extent. Perhaps more leverage on Armenia. Yet, we cannot ignore the fact that Azeris would have seen this as Turkey helping Armenian war machine. Then Turkish leverage on Azerbaijan would have been less. Both views can be defended. I, myself, am at two minds on this question. Let me say in passing that Armenian attitude has not made it easy on Turkey either. But we cannot go back and redo the whole thing now. When a fair solution is reached Turkey I believe will play a more substantial role than now.

Finally, let me say this. The challenges of peace are more rewarding than the challenges of war. Peace may be more difficult. Leaders must make it less difficult. The onus is on the two parties and how they perceive the future for their respective countries and peoples. The international community seems ready to help. People are not well informed on the benefits of peace.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНКРЕТНЫХ МЕР ПО УКРЕПЛЕНИЮ ДОВЕРИЯ В РЕГИОНЕ СТАЛА БЫ РЕАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКОЙ К МИРУ

Интервью министра иностранных дел НКР Наири Мелкумян

— С мая 1994г. ситуация в зоне карабахского конфликта практически всеми именуется не иначе, как "ни войны, ни мира". К чему, на Ваш взгляд, ближе обстановка сегодня — к войне или к миру?

— В настоящее время проблема "войны и мира" — проблема азербайджанской стороны. Причем хочу подчеркнуть — проблема политическая, а не военная. Кто-то из влиятельных азербайджанских политиков недавно с "детской" наивностью признал, что агрессивная военная риторика призвана продемонстрировать решимость азербайджанской стороны оказать давление на международное сообщество и, в частности, на посредников с целью получения более приемлемых для себя предложений. Хочу обратить внимание, что серьезные международные силы, заинтересованные в урегулировании нагорно-карабахского конфликта, не станут принимать во внимание риторику, а предпочтут обратиться к реальным факторам, свидетельствующим об угрозе возобновления военных действий — мобилизационная ситуация в армии, уровень вооружений, экономическая ситуация и т.д.

И с этой точки зрения ситуация в Азербайджане не изменилась. Но мы не можем не учиться, что подобное, во многом искусственно нагнетание страстей в определенный момент может привести к утрате контроля в стране — к непредсказуемому возобновлению вооруженных действий. На наш взгляд, антиармянская пропаганда в стране и клеветническая пропаганда в международных организациях — часть одной политики. Для нас совершенно очевидно, что в Азербайджане действительно не исключают силового варианта. Именно в условиях нестабильности, которая возможна в связи с неожиданной или, скажем, естественной смениной власти.

В действительности единственная реальная угроза — это неопределенность политического развития в самом Азербайджане. И дело не только в факторе здоровья или преклонного возраста президента страны, но в самой политической системе — тоталитарная вертикаль власти и как реакция на нее — агрессивная оппозиция. В силу этого естественная смена власти здесь может иметь непредсказуемый ход. Совершенно очевидно, что эту опасность осознают в правящей партии "Ени Азербайджан". Отсюда и показательные заявления на недавнем съезде сына президента в качестве заместителя руководителя партии о "вечном властовании".

Именно поэтому основную опасность возобновления военных действий я усматриваю в отсутствии демократии в Азербайджане, в возможном хаосе, неконтролируемом развитии событий. Попытки прийти к власти "через Степанакерт" могут быть вновь, как это было уже в 1991-1993гг., обернуться новыми потерями прежде всего для Азербайджана. И я на сегодня не вижу здесь ответственных политиков, способных просчитать все последствия новой войны для своей страны, для региона в целом.

Что касается нас, то мы в ответ на эту риторику вынуждены быть еще более предусмотрительными как с военной, так и с политической точки зрения.

— Посредничество ОБСЕ в лице Минской группы по Нагорному Карабаху пока не дало желаемых результатов. Ни одно из выдвинутых медиаторами предложений не было принято сторонами конфликта за основу для продолжения переговорного процесса. Прямой диалог президентов Армении и Азербайджана также не привел к достижению согласия, а по некоторым оценкам — даже исчерпал себя. Такое впечатление, что ни посредники, ни противоборствующие стороны не знают, как двигаться дальше. Каким Вам видится выход из сложившейся ситуации? Возможно ли применение каких-то новых технологий, механизмов в процессе мирного урегулирования?

— Думаю, что заявления о безрезультатности деятельности сопредседателей МГ ОБСЕ делаются в основном азербайджанской стороной. И речь ведь не идет о необходимости нахождения новых механизмов и технологий. Проблема в том, что в Азербайджане продуктивностью посреднических усилий считают не компромиссное предложение, а восстановление суверенитета над Нагорным Карабахом. Именно поэтому нагорно-карабахская проблема продолжает оставаться фактором захвата власти в Баку. Поэтому урегулирование конфликта возможно только в условиях стабилизации ситуации в Азербайджане, где по существу президентская гонка уже началась. Вопрос в том, что власть должна быть способна не только подписать соглашение, но и самое главное — его реализовать. Если быть откровенным, то Г.Алиев, судя по его противоречивым заявлениям и непоследовательности действий, уже не видит перед собой той временной перспективы, которая позволит ему пойти на историческое решение по урегулированию конфликта.

В этой ситуации я вижу только одну возможность — готовиться к урегулированию, а именно реализовывать меры по укреплению доверия. И с этой точки зрения мы готовы на очень серьезные шаги. Во время последнего визита сопредседателей МГ ОБСЕ в регион 5 ноября непосредственно на линии соприкосновения мы рассматривали водораспределительный узел, который после необходимой реконструкции позволит предоставить воду для ирригации прилежащих азербайджанских территорий. Хочу напомнить, что в советское время более 100 тыс. га в

азербайджанских районах орошались именно из карабахских водных источников.

Вообще таких мер можно разработать не менее двух десятков. Главное – начать диалог, установить доверие между сторонами. Для этого необходимо начать диалог между обществами, местными властями, представителями командиров местных оборонительных участков. И все это – не самоцель, а реальная подготовка к миру. Мы – армяне и азербайджанцы – должны исходить из осознания глубокой ответственности за будущее Кавказа, понимать, что мы уже не изолированная часть региона, а его составляющая. Именно в таком контексте я воспринимаю недавний совместный призыв Евросоюза и Совета Европы к сопредседателям МГ ОБСЕ предпринять смелые шаги к строительству доверия, создающего условия для прочного мира.

– Как бы вы оценили психологическую готовность сторон – как руководителей, так и общественности – к достижению взаимоприемлемого компромисса? Какова, на Ваш взгляд, психологическая атмосфера в целом в зоне конфликта?

– Я не думаю, что психологическая готовность сторон – понятие абсолютное. Общество готовят к миру политические элиты. Поэтому вопрос не к народам, а к тем, кто готов нести ответственность за право формировать общественное мнение. Готовы ли политические элиты – как правящая, так и оппозиционная – подчинить внутриполитические претензии долгосрочным национальным интересам, безопасности государства? Можно проиллюстрировать этот тезис анализом событий, которые последовали за визитом азербайджанских журналистов в Степанакерт. Все последующие события вокруг этой группы предельно ясно продемонстрировали, например, кто в действительности несет ответственность за так называемую "неготовность азербайджанского общества к компромиссу", к которой любят апеллировать некоторые бакинские политики. Визит, кстати, начался крайне эмоционально. Наши гости в некоторых случаях вели себя некорректно, приходилось даже напоминать об элементарных правилах коммуникации. Но несмотря на все это, в конечном счете чувствовалось, что никто не хочет видеть в другом исторического врага. Мне кажется, главным итогом стало понимание, что намного продуктивнее, если мы станем исходить из того, что наши гражданские позиции не должны препятствовать диалогу. И это был самый главный результат этого визита.

Затем, однако, последовала какая-то непонятная для меня травля в Баку участников встречи, кстати, отобранных в министерстве ИД АР. Уже потом министр безопасности Аббасов в лучших традициях советского КГБ, причем образца 37-го года, выдвинул настолько абсурдные обвинения против них, что в какой-то момент мне захотелось выступить в печати и

рассказать, как самозабвенно они защищали национальные интересы Азербайджана. Но в этом была бы какая-то двусмысленность, и я не уверена, что помогла бы им. Однако сейчас, мне кажется, всем – и посредникам, и журналистам, и оппозиции – должно быть ясно, кто и в каких целях инспирирует в Азербайджане антиармянские настроения и агрессивную риторику.

– Возможно ли урегулирование карабахского конфликта в отрыве от решения проблем региона Южного Кавказа в целом? Видите ли Вы возможность достижения окончательного и долгосрочного разрешения проблемы Нагорного Карабаха в ближайшем будущем?

– Не думаю, что урегулирования конфликтов на Южном Кавказе можно достичь по аналогии с гордиевым узлом – разрубить одним ударом. Напротив, мы должны развязывать все эти узелки осторожно и по одному. Каждый конфликт, так сказать, “несчастлив по-своему”, и соответственно надо искать механизмы и технологии их урегулирования. А что касается перспектив урегулирования, то надо еще определиться, что же мы считаем обозримым, ближайшим будущим? Уверена в одном – мы должны стремиться не оставить эту проблему следующему поколению политиков. Нагорно-карабахский конфликт – уже проблема, оставшаяся нам в наследие трагической армянской историей прошлого века. Одно могу сказать – никогда и ни при каких условиях эта история не повторится.

Гаянэ МОВСЕСЯН

Манвел Саркисян

советник президента НКР
по политическим вопросам
НКР

Международная поддержка прогрессивных явлений – ключ к решению карабахской проблемы

Независимо от того факта, что в настоящее время в мире одновременно существуют принципиально различные оценки конфликтной ситуации, сложившейся в Кавказском регионе по вопросу Нагорного Карабаха, сами военно-политические параметры этой ситуации мало ком спорят. Речь идет о главной характеристики этой ситуации – факте образования на территории бывшей Азербайджанской советской республики двух различных административно-территориальных единиц с самостоятельным военно-политическим контролем и факте произошедшей на этой территории сегрегации населения по национальному признаку. Конкретнее можно сказать, что указанная территория в настоящий момент разделена на две части в процентном отношении – 13% и 87%, соответственно, сконцентрировав в разных частях армянское и азербайджанское население бывшей Азербайджанской ССР. В результате проводимой в период 1990-91 годов бывшими советскими властями карательной политики и последующих боевых действий в период 1992-94 годов, на указанной территории сложилась вполне конкретная этно-политическая картина и связанная с этим система новых военно-политических взаимоотношений.

Конкретика этой новой реальности воспринимается всеми конфликтующими и заинтересованными сторонами вполне идентично, но оценивается по-разному. В соответствии с этими оценками, по этой региональной ситуации определились интересы и позиции конфликтующих сторон, а также, заинтересованных международных инстанций.

На наш взгляд, сегодняшний тупик, сложившийся в дипломатии урегулирования и во взаимоотношениях конфликтующих сторон является результатом наличия указанных принципиально различных оценок. Международная дипломатия урегулирования, возникшая в условиях отсутствия взаимоприемлемых оценок ситуации, привела к практике механической апелляции к имеющемуся арсеналу международно принятых принципов, на основе которых, не оказалось возможным достичь консенсуса.

Имевшие место попытки механической проекции принципов политической организации мира периода "холодной войны" на конфликтную ситуацию в зоне Нагорного Карабаха оказались несостоятельными. Базовые параметры политических проблем в регионе

не учитывались, в частности полностью была игнорирована специфика политического наследия факта распада бывшего СССР, оставившего отпечаток на нынешней ситуации в регионе. А избирательный подход международного сообщества к признанию сформировавшихся в регионе новых политических субъектов еще более искал суть конфликтной ситуации.

Во времена, в результате такого подхода, каждая из конфликтующих сторон получила возможность по своему интерпретировать международное право, что привело к полной подмене политических оценок самой проблемы Нагорного Карабаха. Сам Азербайджан даже пошел по пути отрицания наличия такой проблемы, подменяя ее проблемой претензий Армении на Нагорный Карабах.

Роль Армении в этом конфликте в настоящее время вообще воспринимается совершенно неопределенно. Осуществляемая этой страной функция гаранта безопасности народа Нагорного Карабаха интерпретируется произвольно не только Азербайджаном, но и многими международными инстанциями. В результате, сама международная политика урегулирования все более претерпевает не совсем конструктивную эволюцию, вытесняя Нагорный Карабах из дипломатии урегулирования.

Сам Нагорный Карабах считает, что проблема урегулирования его возникших противоречий с Азербайджаном по вопросу власти и территории является прерогативой НКР и Азербайджана, но на практике, эта проблема навязана Армении. Другое дело, что Армения как гарант играет весомую роль в деле достижения прочных гарантов мира в регионе и должна урегулировать свои отношения со всеми конфликтующими субъектами.

В Нагорном Карабахе имеется уверенность в наличии полных правовых оснований своих действий. Право на собственную территорию и власть признавалось за ним даже советским законодательством и не оспаривалось законодательством бывшего советского Азербайджана. Другое дело, что руководство Азербайджана десятилетиями вело политику ликвидации этих прав Нагорного Карабаха административно-силовыми методами. Такая политика, главным образом, преследовала цель изоляции народа Нагорного Карабаха, узурпации его политических прав и вытеснения его со своей территории.

Потому и кажется, что вне контекста оценки наследия распада бывшей советской империи подходить к нынешней ситуации в обсуждаемом конфликтном регионе нецелесообразно. Ведь только при таком подходе имеется возможность составления реальной картины сущностной характеристики действий конфликтующих сторон и их нынешних результатов.

Со стороны Нагорного Карабаха все эти годы, по сути, проводились действия по защите своей свободы и открытости, направленные на ликвидацию механизмов подавления свободной воли и, в первую очередь, действующих механизмов репрессивной власти (в г. Шуши был

ликвидирован плацдарм репрессивной власти, также были ликвидированы изолирующие границы).

Соответственно, со стороны Азербайджана проводились и проводятся действия по защите и восстановлению утерянных механизмов подавления и Понятно, что подобная цель Азербайджана сделала необходимым открытое военное давление на Нагорный Карабах, что волекло Армению и население Азербайджана в разворачивающийся процесс и привело к масштабным военным действиям в зоне конфликта.

В результате навязанной ему войны, народ НКР смог ликвидировать механизм изоляции, прорвав территориальную блокаду, а также, основы репрессивной власти Азербайджана. Одновременно, руководство НКР всегда проявляло готовность к решению всего комплекса проблем на переговорах любых форматов, поскольку имело ясное представление о том, что происшедшее в процессе войны политические и гуманитарные перемены не могли получить однозначную оценку в регионе и мире. И в настоящее время, готовность обсуждаться азербайджаном территориальные и гуманитарные проблемы вкупе с проблемой статуса Нагорного Карабаха.

Надо признать, что наиболее осложняющим обстоятельством является то, что военная агрессия Азербайджана привела к большим перемещениям гражданских лиц, армян и азербайджанцев, из зоны боевых действий, а также, армянского населения с территории всего Азербайджана. Кроме того, возникла проблема неразрешимых взаимоотношений между Азербайджаном и Арменией, предоставляемой помошь Нагорному Карабаху.

Достигнутое в мае 1994 года перемирие и период продолжающейся дипломатической конфронтации в условиях сохранения перемирия выявили свои приоритеты. И главными приоритетами этого периода стали проблемы блокады, беженцев и территориального разграничения между Азербайджаном и Нагорным Карабахом. Непрекращающиеся дипломатические усилия по решению этих проблем сопровождаются усилиями конфликтующих сторон по восстановлению своих стран и построению государственности. Можно утверждать, что Нагорно-Карабахская республика (НКР) в этом деле имеет определенные достижения.

Наиболее сложной проблемой, естественно, представляется проблема беженцев и перемещенных из района боевых действий беженцев. И дело не только в том, что 350 тыс. армян, покинувших Азербайджан, а также, перемещенных полмиллиона азербайджанцев оказались в тяжелой ситуации, но и то, что их проблема превратилась в механизм реализации иных политических целей. Сегодня очевидно, что руководство Азербайджана пошло на политику проблемы беженцев исключительно с целью решения территориальных проблем.

Вместо решения социальных проблем беженцев за счет покинутых армянским населением в Азербайджане десятков тысяч квартир, многие беженцы были загнаны и искусственно удерживаемы в специальных

лагерях. К счастью, в Армении и НКР такой подход не оказался приемлемым и проблема беженцев не оказалась политизированной (что, конечно же, не означает, что социальные проблемы беженцев нашли полное разрешение).

Сохранение перемирия само по себе является большим достижением, поскольку исключает возможность дальнейшего насилия. Но надежное обеспечение защиты прав народа НКР и пострадавших в результате конфликта лиц может получить окончательное решение при политическом урегулировании конфликтных отношений. И здесь, главным стержнем преткновения становится отсутствие дееспособных принципов такого урегулирования.

Как было указано выше, прежние подходы проявили свою несостоятельность. А постоянно изменяющаяся международная обстановка и появление новых международных проблем порождают новые императивы разрешения этой ситуации. Мир требует более радикальных изменений в подходах. Соответственно, какой-либо прогресс в деле урегулирования может иметь место только при достижении международного консенсуса по новым взаимоприемлемым принципам урегулирования подобных ситуаций.

В нынешней международной обстановке это можно назвать консенсусом по новым приоритетам будущего. Разрешение карабахской проблемы не может быть вне контекста решения общих проблем современного мира, и вне контекста новых подходов. Наоборот, принятие приоритетных инновационных принципов урегулирования в данном регионе может стать началом формирования прецедентов для международного уровня.

Нам кажется, что в стремительно изменяющемся современном мире невозможно представить конструктивный подход, не базирующийся на ценностях поддержки прогрессивных явлений в международных политических процессах. Ведь кажется неоспоримым, что естественное право на поддержку имеют субъекты и явления, демонстрирующие в своих действиях стремление к прогрессу и неприятию ценностей подавления и социального регресса. Искусственное сохранение реликвий форм насилия и изоляции свободы не может иметь будущего.

Только выбор подходов, отмечающих возможности наращивания политических монстров в международных отношениях, подходов, сдерживающих деструктивные направления развития, поддерживающих прогрессивные новации, — может позволить отделить зерна от плевел в современном политическом мире.

В период, когда народы мира стремятся к формированию новых международных связей, способных обеспечивать стабильность, безопасность и прогресс в развитии, главной проблемой становятся ценности, способные объединять эти народы. И каждый народ в своих практических действиях должен продемонстрировать свою приверженность к ценностям, обеспечивающим прогресс и свободу.

Мкртич Зардарян
канд. ист. наук
ИГОРР
Армения

КАРАБАХСКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ КОНФЛИКТ: К ПРИНЦИПАМ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Мирные переговоры – процесс многовекторный и как бы полифункциональный. Данное определение, справедливое в отношении переговоров в целом, приобретает особую значимость в сфере урегулирования так называемых локальных – межгосударственных или внутригосударственных конфликтов. Здесь, наряду с интересами непосредственных субъектов противостояния, негласно, а порой весьма явственно, фигурируют интересы “курирующих” данный конфликт медиаторов, появление которых на переговорной арене подчас – чуть ли не предваряет сами конфликты.

Традиция разрешения военных и иных противостояний в рамках *третейского суда* насчитывает не одну сотню лет и сохранила свою актуальность по сей день. Однако, в отличие от теории данного процесса, его практика не пестрит примерами реальной нейтральности подобного “судейства”. Более того, сама готовность к посредничеству подразумевала (подразумевает и сегодня) заинтересованность медиаторов в том или ином варианте разрешения проблемы. И если считать справедливым ставшее популярным сравнение локальных конфликтов (с точки зрения их дестабилизационного потенциала) с кругами на воде, исходящими из единого центра, то столь же верной представляется обратная метафора – воздействие “внешних кругов” на источник их образования.

Карабахско-азербайджанский конфликт за 12 лет, прошедших с его начала, пережил несколько этапов посреднической деятельности и посреднических инициатив. В течение всего этого времени, характеризовавшегося примерами значительного воздействия “внешних волн” на “первоисточник” и акциями в обратном направлении, наблюдался ряд трансформаций как в оценке и интерпретации конфликта, так и в подходах к его разрешению. Ниже отметим некоторые из них, наиболее значимые с точки зрения тематики данной статьи. Так, с одной стороны прилагались настойчивые усилия к искаложению причин конфликта и прианию определенной, изначально чуждой ему специфики. С другой стороны наблюдалось столь же настойчивое стремление обезличить проблему, придать ей некую “усредненность”.

Анализ приведенных подходов (и их вариаций) приводит к выводу, что при очевидной противоположности в них оценок конфликта как такого, они едины с методологической точки зрения: сама исходная проблема

рассматривается в них исключительно с позиций желаемого конечного результата – постконфликтного устройства в конкретных, достаточно жестких сценарных рамках. Для достижения этих целей, весь переговорный процесс выстраивается в соответствии с искомой моделью. Искусственно перекраиваются правовые и прочие критерии оценки проблемы. Что касается компромисса – основы переговоров подобного рода, то в этих условиях он приобретает лишь функции дополнительного механизма для достижения сверхзадачи.

Упомянутые подходы наряду со своими производными, последовательно проявлялись на различных этапах Карабахского урегулирования. Манипуляции с определением причин и характера противостояния (“этнический”, “конфессиональный” конфликт, “посягательство на территориальную целостность” и пр.), искажение его формата (“война между Арменией и Азербайджаном”), примеры политического, экономического, психологического давления на региональном и международном уровнях, и наоборот – посулы экономического стимулирования и политической поддержки при согласии на те или иные предложения – все это уже имело место в ходе рассматриваемого процесса. Однако, ни сомнительные теоретические изыски, ни упомянутые меры прямого или опосредованного воздействия не приблизили конфликтующие стороны к порогу стабильного мира.

Отсутствие ощутимых результатов переговорного процесса, с одной стороны послужило основой для пессимистических оценок возможностей международных посредников, с другой же – стимулировало поспешное выдвижение ряда, подчас недостаточно взвешенных инициатив, характер которых лишь укрепил означенные оценки деятельности медиаторов.

Сказанное является веским поводом для обращения “к истокам”, однако не столь в плане предыстории конфликта, сколь некоторых основополагающих критерии и инструментария разрешения последнего.

Прежде всего о характере конфликта. Как уже отмечалось, за прошедшее время накопилось немало, нередко совершенно неадекватных, определений последнего. Примечательно, что выдвижение очередной характеристики часто искусственно увязывалось с той или иной актуальной на текущий момент международной проблематикой – для целевого воздействия на общественное мнение, либо полной его дезориентации.

Однако, вне зависимости от упомянутых конъюнктурных характеристик, либо замалчивания реальности, сегодня уже мало кто сомневается что Карабахская проблема является собой типичный пример стремления народа к самоопределению, право на которое, разработанное классиками европейского правоведения еще в начале XVII века⁶, сегодня официально признано на высшем международном уровне. Шаги, предпринимавшиеся карабахской стороной с самого начала формирования проблемы, четко увязывались именно с данной сферой международного права. Попытки же

⁶ Гроций Гуго. О праве войны и мира, Три книги. М. 1956. Кн. 2, гл. 6.

игнорирования очевидного лишь отдаляют окончательное урегулирование конфликта.

Сказанное само по себе очерчивает и принципиальный формат переговорного процесса. В данном ключе, вне зависимости от степени участия международных медиаторов или состава рабочих групп, Карабах не может рассматриваться в качестве объекта переговоров между Арменией и Азербайджаном. Дискуссии, ведущиеся в прямом смысле "вокруг Карабаха", без непосредственного участия последнего в процессе жизненно для него важном, не представляются перспективными. В этом плане следует только приветствовать высказанное сопредседателями МГ ОБСЕ в Стамбуле (ноябрь 1999 г.) намерение подключить Нагорный Карабах к переговорам.

Однако, в настоящее время, при отсутствии каких-либо реальных подвигов в рамках стамбульских решений, акцент переговоров переводится преимущественно на прямой (разноуровневый) диалог между Арменией и Азербайджаном. Между тем, данный формат (наряду с предыдущими), может расцениваться лишь как промежуточный, предваряющий неопределенные переговоры между НК и Азербайджаном, необходимости которых, для достижения реального мира, представляется очевидной. В этом плане следует помнить, что единственный на сей день значимый результат в процессе Карабахского урегулирования, полномасштабное прекращение военных действий, был достигнут в ходе прямых переговоров между двумя истинными субъектами противостояния - официальными представителями Степанакерта и Баку (Бишкек, 1994 г.).

Что касается переговоров "Армения – Азербайджан", то во взаимоотношениях между этими государствами за прошедшие годы накопилось достаточно вопросов, которые должны быть рассмотрены именно в данном формате (проблема блокады и компенсация ее последствий, наряду с последствиями агрессивных акций в отношении северных, южных и юго-восточных регионов Армении, шаги по налаживанию двустороннего и регионального сотрудничества и пр. и пр.). В рамках же конкретно Карабахского урегулирования, участие РА не может компенсировать отсутствие НК.

Теперь о некоторых аспектах переговорного процесса, в частности – ультимативных требованиях возврата к доконфликтной ситуации, выдвигаемых как непреложное условие для начала обсуждения путей окончательного урегулирования. По существу Карабаху (а учитывая настоящий формат переговоров – Армении) предлагается согласиться на безоговорочное принятие *status ante bellum* (SAB), без каких-либо действительно реальных гарантий. Если учесть, что в данном случае речь идет не о гарантиях безопасности в рамках тех или иных вариантов *пакетного* или *поэтапного* разрешения проблемы (и соответствующих практических мер), а о гарантиях существования карабахского населения, то идея SAB приобретает качественно иное значение. В силу целого ряда

обстоятельств Азербайджан не в состоянии (а судя по высказываниям некоторых официальных лиц АР, и не намерен) обеспечить надлежащий уровень безопасности населения НК. По существу, на настоящем этапе урегулирования принятие SAB означало бы низведение процесса на низший по сравнению с нынешним уровнем. Ведь реализация SAB, при нынешней степени доверия между сторонами конфликта, фактически подразумевает введение в регион противостояния разделительных сил третьих сторон, с вытекающими, достаточно прогнозируемыми последствиями. Между тем, поддержание мира в зоне карабахско-азербайджанского противостояния, в отличие от целого ряда других локальных конфликтов, по сию пору обеспечивалось без какого-либо участия последних. Можно допустить, что подобное развитие событий укладывается в рамки определенных внутри- и внешнеполитических сценариев, разрабатываемых в АР (либо за ее пределами), однако они никоим образом не увязываются с общепризнанным понятием «урегулирование».

Наряду с этим, требование возврата к SAB беспerspektивно и с точки зрения тех формообразующих реалий, которые сложились в регионе за прошедшее, достаточно продолжительное время. Игнорирование и, тем более, нарушение установившегося весьма хрупкого баланса сил способно вернуть проблему (и, соответственно, ситуацию в регионе) на «исходные позиции», что, надо полагать, неприемлемо ни для региональных участников переговорного процесса, ни для международных посредников. Подобными радикальными пересмотрами итогов активного противостояния отнюдь не богат и исторический опыт.

В конечном итоге, если отвлечься от изысков переговорных и внутриполитических технологий, в настоящее время Азербайджан сам не готов к реальному возврату к *status ante bellum*. Здесь следует учитывать фактор очевидной несовместимости НК и АР. Заметим, что речь идет не об этнических, конфессиональных, либо иных второстепенных параметрах (хотя, налицо стремление некоторых кругов вести диалог в русле именно этих различий). Мы имеем ввиду качественную несовместимость сторон с точки зрения восприятия и адаптации демократических принципов, уровней демократизации структур власти и обществ в целом. Именно этими различиями и объясняется непонимание и неприятие Азербайджаном сути Карабахской проблемы – права на самоопределение.

В корреляции с вышеизложенными оценками настоящего формата переговоров и требований возврата к SAB можно рассматривать и некоторые идеи, выдвигаемые в последнее время в рамках переговорного процесса. В частности, предложение вариантов решения Карабахской проблемы в контексте формулы «обе стороны недовольны», фактически предполагает:

- консервацию конфликта на уровне мало чем отличающемся от настоящего;
- повышение роли посредников и обеспечение долгосрочного присутствия (в той или иной форме) последних в регионе, для мониторинга и

поддержания приемлемого (надо полагать, для самих медиаторов) «порога недовольства»;

— «сакрализацию» настоящего формата переговоров и ущербной практики неравнозначной представленности и учета позиций лишь одного из непосредственных субъектов противостояния.

Идентичные подходы усматриваются и в периодически выдвигающихся в последние годы проектах урегулирования Карабахской проблемы путем якобы «компромиссного», или «эквивалентного» обмена территориями между так называемыми сторонами конфликта. Несмотря на то, что предложения подобного рода исходят преимущественно из неофициальных (или околоофициальных) кругов, однако общественный и иной возможный резонанс от ввода в оборот подобных идей принуждает к более пристальному их рассмотрению. Вне зависимости от географических рамок, оговариваемых в этих проектах, все они предусматривают проведение «обмена» именно между Арменией и Азербайджаном. По существу, в означенных проектах (как и в случаях рассмотренных выше) усматриваются попытки компенсации несостоятельности АР в переговорах с НК за счет третьей стороны, не имеющей непосредственного отношения к проблеме. Кроме того, здесь осознанное искажение формата рассмотрения проблемы и, соответственно, переговорного процесса, используется для достижения качественно иных — geopolитических преимуществ, способных негативно повлиять не только на структуру взаимоотношений на Южном Кавказе, но и на баланс сил в макрорегиональном масштабе.

В заключение, следует остановиться на проблеме, в том или ином контексте обсуждающейся с начала нового этапа актуализации Карабахского вопроса. Речь идет о сопоставлениях права народа на самоопределение и принципов незыблемости границ и территориальной целостности государства. В продолжающейся уже долгое время дискуссии обсуждается преимущественно вопрос первичности одного из этих приоритетов и степень применимости в рамках данного урегулирования. Не имея целью рассмотрение всего комплекса вопросов, связанных с данной проблематикой, заметим, что право на самоопределение, как одно из основополагающих правовых понятий, принятых международным сообществом, самоценно вне зависимости от политической динамики (конъюнктуры), характеризующей тот или иной этап развития мирового сообщества. Что касается принципов территориальной целостности и, в частности, незыблемости государственных границ, то трансформации последних, вне зависимости от побудительных причин, предполагают классификацию в качественно иных параметрах. И в данном случае, при апелляциях к конкретным международным договорам следует учитывать степень адекватности последних той или иной стадии исторического развития обществ. В частности, соответствующие хельсинкские соглашения, на которые обычно ссылаются апологеты нерушимости

границ, по окончании холодной войны демонстрируют (как и ряд других международных договоров) очевидные элементы анахронизма. Разрушение Берлинской стены, ликвидация ОВД, самороспуск СССР ознаменовали начало процессов, немыслимых в рамках концепции «Хельсинки - образца 70-х». За последнее десятилетие ХХ века на территории **Новой Европы** образовалось **18 новых** государств, официально признанных международным сообществом. Сказанное демонстрирует фактическую и правовую несостоятельность соответствующих разделов хельсинкских соглашений и ссылки на них в рамках Карабахского урегулирования представляются неправомерными. Тем более неоправдано противопоставление устаревших (*de jure* и *de facto*) критериев мироустройства актуальному и на сегодня праву народа на самоопределение. Что касается подчеркнуто догматического восприятия отмеченных хельсинкских договоренностей со стороны Азербайджана (каковое четко проявляется в ходе переговоров), то тем самым он как бы ставит под сомнение правовые основы собственной независимости.

Затронутыми в настоящей работе вопросами отнюдь не исчерпывается обширный круг проблем, характеризующих процесс Карабахского урегулирования. Вместе с тем, приведенные замечания представляются достаточно существенными, с точки зрения конкретизации восприятия некоторых профильных критериев оценки конфликта как такового и соответственно — путей и методов его успешного разрешения.

Сурен Золян

доктор филологических наук
ректор ереванского государственного
лингвистического университета
им. В. Я. Брюсова
Армения

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ – ПРОБЛЕМА И КОНФЛИКТ

Цель настоящей статьи – еще раз очертить методологические рамки решения Карабахской проблемы и урегулирования Карабахского конфликта. На наш взгляд, решение проблемы должно осуществляться в правовой плоскости, а урегулирование конфликта – в политической. Вместе с тем в настоящее время основное внимание привлечено к урегулированию конфликта, а решение проблемы видится как нечто сопутствующее и производное от урегулирования. Если вначале, как правило, говорилось о Карабахской проблеме, то сейчас более употребительным стало словосочетание "Карабахский конфликт" (или "кризис"). Это – как логическая, так и методологическая ошибка, которая не может не повлиять негативным образом на протекающие процессы. Проблема и конфликт, как мы попытались показать в наших теоретических исследованиях¹, это:

а) взаимосвязанные, но относительно независимые и разноуровневые понятия;

б) проблема не обязательно предполагает конфликт, а конфликт не обязательно вытекает из проблемы, это лишь одна из манифестаций проблемы. В латентном состоянии проблема содержит различные схемы как ее урегулирования, так и конфликта; в) относительная независимость проблемы и конфликта предполагает относительную независимость методов решения проблемы и урегулирования конфликтов; г) наконец, главное для нас положение – конфликт порождается не столько составляющими проблему факторами, сколько отношениями между ними. Так, примерно те же отношения, что существовали между Карабахом и Азербайджаном, существовали и между Азербайджаном и СССР. Однако во втором случае проблема не вылилась в конфликт.

Кроме того, относительная независимость конфликта и проблемы предоставляет дополнительный шанс, который может быть использован или не использован. В современных политических схемах уже принято, что возможно решение конфликта при замораживании самой проблемы – конфликт останавливается, а политическое решение проблемы оставляется

¹ С. Золян. Проблема и конфликт: опыт логико-семантического исследования. журнал ПОЛИС, 1996, №. 4; С.Золян. Нагорный Карабах: проблема и конфликт. Ереван, 2001.

на будущее. – как это случилось в случае Кипра и чего не удалось достичь в случае палестинской проблемы.

В случае Нагорного Карабаха с самого начала были спровоцированы углубленные и углубляемые в последующем именно конфликтобразующие компоненты проблемы. Сама по себе проблема и проблемность – нормальные состояния любой социальной системы. Другое дело, как решаются эти проблемы – путем обсуждения и нахождения оптимального для всех решения или же путем избиения несогласных. Во втором случае проблема неизбежно перерастает в конфликт. Сама по себе проблема Карабаха существовала задолго до 1988 года, когда она была манифестирана как проблема волеизъявления народа Нагорного Карабаха. Вместо решения этой проблемы путем диалога на основе правовых норм действия союзных и азербайджанских властей были направлены именно на подавление воли народа силовыми методами и погромами, что приводило к усилению конфликтобразующих факторов и в конечном итоге – к открытому военному противостоянию. В таком случае сама проблема заслоняется факторами, которых не было на начальном этапе, но которые возникли в результате перерастания проблемы в конфликт. При этом, с одной стороны, забывается сама проблема, с другой – эта проблема начинает восприниматься как приведшая к негативным последствиям, хотя ответственность за эти последствия должна быть возложена? на силы, спровоцировавшие конфликт, попытавшиеся решить проблему силовыми методами.

Применительно к Карабаху наиболее острыми и трудноразрешимыми вопросами сегодня являются те, которых не было на начальном этапе – это проблема беженцев, территории, расположения и отвода войск, восстановления экономической и социальной инфраструктуры, деблокирования коммуникаций и т.д. Ни одна из них не может быть непосредственно связана с решением сессии Альбисовета НКАО о выходе из Азербайджана и воссоединении с Арменией. Можно согласиться, что это – на сегодняшний день наиболее актуальные вопросы, и они должны получить скорейшее решение, но они не должны заслонять саму Карабахскую проблему, которая возникла в результате произвольного и с юридической точки неправомерного решения Кавбюро от 05.07.1921 г. Карабахская проблема – это проблема самоопределения народа Нагорного Карабаха, его права, как это выражено в многочисленных основополагающих документах международного права, самостоятельно определять свой политический, правовой, экономический и социальный статус.² Поэтому проблема должна решаться на основе норм международного права и действовавшего на момент выхода Азербайджана и НКР из состава СССР союзного права³.

² Приведем основные: Устав ООН, ст. 1 и 55, Пакт о гражданских и политических правах, ст.1, Пакт о экономических, социальных и культурных правах, ст.1, Заключительный документ Хельсинкского Совещания СБСЕ, ст. 8.

³ Закон СССР от 3 апреля 1991 г. "О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР"

Здесь следует отметить, что само это право на самоопределение? не может быть предметом дискуссии или переговоров. Другое дело, как это право будет реализовано. Напомним, что на состоявшийся 10 декабря 1991 референдум о статусе Нагорного Карабаха был вынесен следующий вопрос; "Согласны ли вы, что провозглашенная Нагорно-Карабахская Республика была независимым государством, самостоятельно определяющим формы сотрудничества с другими государствами и сообществами". Как видим, уже тогда форма самоопределения не исключала возможности установления федеративных или конфедеративных отношений с другими государствами. Учитывая существующие реалии, можно предложить определенный пакет, регулирующий отношения НКР с Арменией и Азербайджаном⁴, интересы которого, безусловно, также должны быть учтены хотя бы в силу проблемы беженцев. Возможно также предусмотреть и проведение еще одного референдума под контролем ООН. Но все это есть шаги по реализации права на самоопределение, а субъектом самоопределения является народ Нагорного Карабаха, и ему определять, в какой форме он реализует это право. Между тем, сегодня налицо игнорирование Карабаха как в переговорном процессе, так и в международной политической практике. А ведь, в первую очередь, в подобных контактах должен быть заинтересован Азербайджан. Ведь именно и только перед Азербайджаном стоит задача сделать свою страну достаточно привлекательной, чтобы Нагорный Карабах согласился вступить с ним в определенные предполагающие совместную ответственность политico-правовые отношения. Подобный подход обязательно окажет позитивное воздействие и на решение вопросов, связанных с урегулированием самого конфликта. Но на сегодняшний день Нагорный Карабах находится не только в блокаде, но и в международной изоляции, все его связи с миром

4 Напр.: "Нагорный Карабах вступает в союзные отношения с Азербайджаном при условии признания за НКР таких гарантий, как 1)собственная экономическая зона, исключающая диктат Азербайджана;2) силы самообороны с четко определенным мандатом и подконтрольные международным наблюдателям. 3) наличие собственных органов представительной власти, управления и судопроизводства с правом приостановления решений Азербайджана и обжалованию их в специально созданном международном арбитражном органе; 4) собственное гражданство, исключающее механический рост населения и предоставляемое право собственности; 5)определенная форма представительства международных органах. Все эти пункты (возможны и другие) отражают те реалии, что в свое время стали причинами конфликта. Данный комплекс должен осуществляться как временная мера под международной гарантией. Не предопределяя окончательного решения вопроса, он предоставит сторонам время и возможность для нахождения окончательного решения" – см. нашу книгу "Нагорный Карабах: проблема и конфликт", с. 222-223. Определенные конфедеративные отношения между НКР, Арменией и Азербайджаном предполагает и получивший в последние время большую известность проект брюссельских аналитиков, получивший название "A Stability Pact for the Caucasus" (S.Celac, M. Emerson, N. Tocci). Близкие к конфедеративными отношения были и намечены в предложенном в 1999 сопредседателями Минской группы проекте "общего государства"

осуществляются через Армению. Это привело к тому, что для населения единственно по настоящему актуальный вопрос – это вовсе не отношения с Азербайджаном или международным сообществом, а конкретизация отношений с Арменией – является ли НКР независимым государством (официальная позиция властей) или же "десятой губернией" Армении (название в свое время популярной оппозиционной газеты, отражающей взгляды значительной части населения).

Что касается Армении, то она, даже обладая подобным желанием, не имеет полномочий на решение собственно проблемы Карабаха. Ее участие в переговорном процессе может быть оправдано только постольку, поскольку она **вовлечена в конфликт** – хотя нередко официальные представители Армении отрицают это, они, видимо, имеют ввиду собственно проблему, а не конфликт. Уже один тот факт, что сегодня она находится в блокаде, а международному мониторингу подлежат также и границы между Арменией и Азербайджаном, делает необходимым ее участие в процессе урегулирования . Другое дело, что основной блок вопросов относится не к ее компетенции.

Перейдем теперь к вопросам, связанным с процессом урегулирования. Не вдаваясь в конкретику переговорного процесса, обратим внимание на другой методологический вопрос который постоянно обсуждается, но так и не получил решения – это вопрос о принципах урегулирования; поэтапного или же пакетного соглашения. Думаю, здесь вольно или невольно смешиваются два различных явления – само решения и процесс достижения решения. Конечно же, решение должно находиться шаг за шагом, поэтапно. Так же очевидно, что окончательное решение может быть реализовано только поэтапно. Безусловно, до достижения окончательного решения должны быть осуществлены шаги по укреплению взаимного доверия. Ряд таких необходимых шагов уже предпринят – это установление и эффективное соблюдение режима прекращение огня, обмен военнопленными, ставшие периодическими обмены делегациями между журналистами, деятелями науки и культуры и т.д. , в дальнейшем можно предусмотреть возможные формы сотрудничества в экономической, правозащитной, гуманитарной и экологической сферах. Но что касается самого окончательного соглашения, документа, то он может быть только и только пакетным. Во-первых, вследствие взаимного недоверия между сторонами возникнет естественное на нынешнем этапе опасение, что первая же уступка, которая будет сделана одной из сторон, будет использована другой стороной для укрепления собственных позиций и останется безответной. Например, вывод вооруженных сил НКР из контролируемых ими районов ослабит безопасность республики и у азербайджанской стороны появятся более благоприятные условия для возобновления военных действий. Соответственно, на следующем переговорном витке азербайджанская сторона окажется в более благоприятных условиях и может начать вести переговоры с позиции силы. Аналогичные опасения может иметь и азербайджанская сторона,

почему и, несмотря на четко выраженное в резолюциях Совбеза ООН и других международных организаций требование, она тем не менее продолжает блокаду Армении и Нагорного Карабаха, обосновывая это тем, что после решения этого вопроса Армения может утратить интерес к продолжению переговорного процесса. Поэтому стороны, не веря данным на словах обещаниям и учитывая недостаточный уровень предоставляемых посредниками гарантий, будут настаивать на письменной фиксации всех договоренностей. Поэтому окончательный вариант в этом случае приобретает характер пакетного соглашения.

Если первая причина касается в основном стратегии переговорного процесса и в принципе может быть пересмотрена, то вторая имеет существенный характер и вряд ли может быть устранима даже в будущем. Дело в том, что все обсуждаемые вопросы не могут быть решены вне контекста основного вопроса статуса. Возьмем самый очевидный – вопрос границ. Нет и не может быть абстрактных границ – любая граница есть граница *чего-то* – некоторого государственно-правового образования. Если исходить из официально зафиксированной позиции Азербайджана, то не существует не только НКР, но и даже НКАО – последняя была ликвидирована решением парламента Азербайджана еще осенью 1991 г., а новым административно-территориальным делением Азербайджана ее территория была “растворена” в прилегающих районах. Так что Нагорный Карабах в этом случае становится весьма расплывчатым географическим понятием, и неясно, о каких границах и границах *чего* может идти речь. Если же исходить из официальных позиций карабахской стороны, то ее фиксацией можно считать границы проведения референдума и выборов в Верховный Совет НКР в декабре 1991 г. – эти границы включают также те территории, которые сегодня не контролируются властями НКР и где нет армянского населения – это полностью Шаумянинский район и частично территории Мартунинского и Мардакертского. А на сегодняшний день де-факто сложившиеся границы отражают не столько политическую, сколько военно-географическую реальность, это скорее рубежи соприкосновения – они стихийно сложились в результате военных действий, обеспечивая сторонам наиболее удобные позиции для обороны и служат как пояса безопасности и в силу этого – как одна из самых существенных гарантий невозобновления военных действий. Поэтому все вопросы, связанные с границами, причем не только политические, но и военно-технические (напр., отвод войск или распределение зон ответственности и др.) могут стать предметом осмысленных переговоров только в том случае, если есть договоренность о том, о **каких** – государственно-политических, государственно-правовых, административных или каких-либо иных границах и о границах *чего* – какого государственно-политического или государственно-правового образования – идет речь.

Аналогично, вопрос гражданства – гражданином какого государства должен стать, скажем, житель Мардакерта – Армении? Азербайджана?

НКР? А может, он будет иметь двойное гражданство? Без уяснения этого вопроса невозможно решить вопрос гражданских свобод и обязанностей, и, соответственно, вопрос обеспечения и защиты гражданских прав и свобод жителей Нагорного Карабаха.

Или же, по заявлению азербайджанской стороны, “первоочередным” является вопрос возвращения беженцев. Очевидно, что любой беженец должен заранее знать, куда он возвращается, а возвращается он не в то или иное село, а село, находящееся в составе некоторого государства. От этого будут зависеть и необходимый объем обеспечения безопасности, и обязательств по социально-экономической адаптации, и др. вопросы.

Примеры можно продолжить, и все они будут свидетельствовать о том, что первичным должен стать вопрос статуса, который окажется определяющим для решения по всем остальным вопросам, которые в своей совокупности примут форму пакетного соглашения. Более того – сам вопрос статуса и есть сконденсированное пакетное решение, поскольку статус есть сумма и производная от составляющих государственно-правовых компонентов (границ, гражданства, политических институтов, сил безопасности, представительства в международных организациях и т.д.).

Сегодня сложилось хрупкое равновесие, основанное на множестве различных факторов – внутри- и внешнеполитических, geopolитических, военных, демографических и т.д. Резкое изменение хотя бы одного из них может привести к обвалу всей системы, поэтому любой шаг должен быть направлен на соблюдение баланса и стабильности. Сохранение стабильности является приоритетом не только для сторон конфликта, но и для международного сообщества. А частичные изменения без учета общего контекста могут привести к негативному результату. Например, сегодня власти Баку могут формально игнорировать власти Степанакерта как партнера по переговорам. Но в то же время катастрофой для Азербайджана станет отсутствие в НКР законно избранной власти, отправляющей практически в полном объеме государственные функции, поскольку подобный вакuum неизбежно дестабилизирует обстановку и в соседнем Азербайджане (ситуация будет похожа на чеченскую).

В заключении, отметим, что не следует питать иллюзии на быстрое решение, но вместе с тем в ближайшее же время должны быть активизированы и стать более системными и систематическими шаги, направленные на достижение этого решения. К вышесказанному добавим следующее. Во-первых, необходимо четко разграничить собственно конфликт и причины, породившие конфликт. Никакое соглашение не может быть долговременным и стабильным, если не будет дан исчерпывающий ответ на собственно проблему – а это признание права народа Нагорного Карабаха на самоопределение. Второе: что касается урегулирования конфликта, то в этом направлении уже сделано не так уж и мало. Выработан ряд гарантий, делающих возобновление военных

действий если и невозможным, то по крайней мере довольно затруднительным шагом – по причинам военным, политическим, а также вследствие международного мониторинга. Однако уровень гарантай еще недостаточен для того, чтобы режим прекращения огня стал бы необратимым. Поэтому параллельно с решением проблемы должны быть предприняты шаги по укреплению мер доверия и усилинию гарантай безопасности. Третье. Как мы уже отмечали, одним из препятствий на пути достижения всеобъемлющего соглашения является недоверие между сторонами, приводящее к явно нереалистичному уровню требуемых гарантай. Между тем, как свидетельствует позитивный опыт по соблюдению режима соблюдения огня, доверие может возникнуть только в результате совместной деятельности. В этом смысле крайне важно установление прямых контактов между Баку и Степанакертом и осуществление хотя бы самых скромных совместных программ, представляющих взаимный интерес.

Hripsime Nalbandyan
Jan Masaryk Centre
of International Studies
University of Economics
Prague, Czech Republic

Local conflicts and their new possible peaceful solution

The local conflict in Nagorno Karabakh does not have its solution after almost 13 years of its continuation.

It seems that during last years the idea of „non-negotiability“ and „impossibility“ to achieve the final solution, which will satisfy all conflictual parties predominates. It is not because somebody does not want to solve this problem or it is somebody's fault, not because this problem can not have its peaceful solution. The reason can be following:

- the problem is not defined, specified, placed correctly
- on the other hand the problem is a part of some other bigger global unit. There is no problem without its solution. It means that in this case it is possible to solve the problem if:
 - it is understood as a part of a total global context
 - two parts of the problem have to be solved: 1). The global problem, 2). The local conflict (in our case it is the conflict in Nagorno Karabakh).

Similar problems have been in most cases solved by using a competitive thinking. The second imperfection of it was (is) the fact that these competition material values (but not human, civilizational, moral values) have been put into the first plan of programs.

This all is a probably right reason of a conflict(s), which does not just impede to reach its peaceful solutions, but also very often becomes a ground for new conflicts.

Today it could be possible to find a peaceful solution, which would satisfy all parties.

In the following proposal we are offering the new COMPLEX solution, which includes the global as well as the local part. The logic and the explanation of it are quite voluminous, that's why in this material we are offering its „only proposal“.

Economic and military rivalry or mutually complementary civilizational co-operation?

Civilizational values as a comprehensive unit represent reciprocally complementary trifurcate value unit:

1. moral value,

2. intellectual value,
3. material value.

$$M_{\text{civilizational}} = m_{\text{moral}} + m_{\text{intellectual}} + m_{\text{material}}$$

This unit has quantitative as well as qualitative parameters. It means that two civilizational masses can be equal from the quantitative point of view,

$$M_{\text{civil}} (\text{a}) = M_{\text{civil}} (\text{b})$$

but do not have to be equal from the qualitative point of view:

$$M_{\text{civil}} (\text{a}) \neq M_{\text{civil}} (\text{b}).$$

This inequality is conditioned by a separation of moral, intellectual and material components in the complex M_{civil} mass (particular mass's percentage in the complex mass). For example:

- in the $M_{\text{civil}} (\text{a})$ $m_{\text{moral}} = 20\%$; $m_{\text{intellectual}} = 30\%$; $m_{\text{material}} = 50\%$;
- in the $M_{\text{civil}} (\text{b})$ $m_{\text{moral}} = 35\%$; $m_{\text{intellectual}} = 55\%$; $m_{\text{material}} = 10\%$;
- in the $M_{\text{civil}} (\text{a})$ $m_{\text{moral}} = 20\%$; $m_{\text{intellectual}} = 30\%$; $m_{\text{material}} = 50\%$;
- in the $M_{\text{civil}} (\text{b})$ $m_{\text{moral}} = 35\%$; $m_{\text{intellectual}} = 55\%$; $m_{\text{material}} = 10\%$.

If civilizational masses are equal from the quantitative point of view / $M_{\text{civil}} (\text{a})/ = /M_{\text{civil}} (\text{b})/$, from the qualitative point of view we can see they are not equal at all: $M_{\text{civil}} (\text{a}) \neq M_{\text{civil}} (\text{b})$.

A human as well as a society can be in a completely harmonious organization situation from the civilizational point of view at the time when the field of their civilizational values will be equalized into three value groups:

$$M_{\text{moral}} = m_{\text{intellectual}} = m_{\text{material}} = 1/3 M_{\text{civil}}$$

Nevertheless this requirement (as an ideal case) from one person as well as from one state is not real in practice for self-reliant cover of the problem satisfaction. It is precisely internal content of the society and the law of erection of the society as a complex is conditioned by that. Necessity of a completion of this civilizational "vacuum" is satisfied by the only way: exchange of one own value to another value with different weight. Ground of an import and export relationship is following: to refill own civilizational separation by assumption of the necessary civilizational separation from outside and to traverse to the natural harmonious situation. By that human, society as a civilizational system comes to the full valuable organization. Every person's civilizational livelihood is conditioned by his civilizational expenses and by an exigency of their defrayment, consumption has to be at least equal to the returned amount. The greater amount has to be used for its development for sure. Otherwise an overspill of the civilizational energy will elicit a negative strain, which will lead a wrack in the future.

Every person yearly produces certain civilizational mass in his profession, where

civilizational three values are divided departmental rightfulnesses and are quite distant from the mutual equality. For example:

WorkmanMmoral	= 20%	Mintellectual	10%	Mmaterial	= 70%
ScientistMmoral	= 10%	Mintellectual	= 85%	Mmaterial	= 5%
ThinkerMmoral	= 40%	Mintellectual	= 60%	Mmaterial	= 0%
BusinessmanMmoral	= 5%	Mintellectual	= 30%	Mmaterial	= 65%

It is evident that these individuals can not ensure their civilizational livelihood using just their own produced values (so called "subsistence housekeeping"). To be in the natural harmony they need appropriate separation of certain quantity of civilizational values:

WorkmanMmoral	= 80%	Mintellectual	= 90%	Mmaterial	= 30%
ScientistMmoral	= 90%	Mintellectual	= 15%	Mmaterial	= 95%
ThinkerMmoral	= 60%	Mintellectual	= 40%	Mmaterial	= 100%
BusinessmanMmoral	= 95%	Mintellectual	= 70%	Mmaterial	= 35%

This kind of deficit is called **Civilizational Replenishment**. How the biological livelihood of every individual is catered by exchange of values produced by himself, the same is with their civilizational livelihood, which is catered by exchange of the complex from three civilizational values produced by himself. At the time when the civilizational value demand gradually grows, the simple "goods exchange" becomes impossible from the civilizational point of view (the individual gives to the society and takes from the society a part necessary for him). Common civilizational field of the society is created by the sum of values produced by all members of the society. Similar rightfulness work exists also in international global society (Societal Mega System), where elements of the System are some states. Every state uses certain part of its yearly produced civilizational mass for indemnity of the civilizational life, safety and the development organization of its population. Since range of natural sources because of civilizational disintegration factors of their total civilizational mass, never can in full valuable smoothness with real need, then this state caters the replenishment of its civilizational deficit by import of other values from different states as well as it exports proper value. Because the export and the import present mutual replenishment from the quantitative separation point of view, then it is clear that the conflict between two states can be never elicited because of the qualitative side of civilizational values. The conflict can arise from the quantitative inequality:

$$M_{\text{civil}} (\text{import}) \neq M_{\text{civil}} (\text{export})$$

and qualitative incongruity:

$$M_{\text{civil}} (\text{import}) \neq M_{\text{civil}} (\text{export}).$$

From the beginning of the XX century civilizational exchange international relationship between states was implemented mainly between of geographically

neighboring countries. Since the separation of a yearly civilizational production of 1-2 neighboring countries could not be sufficient replenishment for these countries, naturally every state needs a gradually increase of the number of co-operative state.

No state can have export separation corresponding with the need of import. That's why to reach a replenishment of necessary separation it is essentially to take it over from different states. In that case the sum curve will come near to shape of the needed curve (see the attached graph). Since the number of the import states becomes larger, the probability of the achievement of **civilizational full valuable replenishment** escalates. This natural rightfulness presses states to be in mutual civilization exchange relationship with as more as possible number of states and to try to be a closed civilizational and political system during long millenniums.

Up to the beginning of the XX century mutual civilizational relationship among developed European countries have been centralized between of neighboring countries. Geographically every country has been an special civilizational KNOT and this country (by means of its export) has been taking part in a total process of the mutual complementation nodal relationship with neighboring countries. On the other hand because these countries after certain mutual replenishment have been forming local civilizational environment with the same separation and the yearly production separation curve of each of them was very similar with the neighboring countries civilizational separation curve. The main difference was a material value field quantitative surfeit. It changes a type of mutual relationship and goes from the civilizational reciprocally complement partnership to the COMPETITION in the material value field. As a consequence of every rivalry (economic, then military-political) at the end of it there is a conflict.

In a competitive relationship between countries a possible firmness is catered at the expense of increase of the number of included countries. A conflict establishment probability progresses with a competitive countries number reduction. For example in the arbitrary part competitive relationship between of the two states because of some reason finally changes over into some conflict. Afterwards nobody remembers the original reason of the conflict. In case of a mutual civilizational replenishment because of mutual replenishment with each other even between two countries will not explode a conflict, they can not lose the necessary replenishment from the partner. It is a different question in case if the complementary country is not a neighboring country (frequently it is some far off country) and the question of a transportation and communication connection with this country comes up.

A possibility of the mutually complementary civilizational partnership among countries was minimal before the World War I.

After the World War II in the reality of the technical, technological and transportation, communication huge development became possible to substitute the competitive political handwriting with a civilizational mutually complementary partnership.

It is very realistic in Europe today and it is putting into a practice. The European Union implements the transition from the political relationship to the civilizational political relationship among European countries.

While by the end of the XIX century every European country had (ad valorem of some civilizational value) certain civilizational knot mainly for its neighboring countries, then from the beginning of the XX century the global civilizational role of this country has been enlarged to all European countries as well as to geographically very far off countries.

The only one and the last civilizational role which because of its geographical pertinence can not serve to the whole of global international complex equally yet is the transportation communication role. The main global civilizational role of the present Yugoslavia ("Balkan Civilizational Knot") used to be for European countries in the "Europe – Bosfor and Dardanel – Caucasian Crossroad" space the role of the transportation communication connectional natural knot. This is the probably reason of the current local conflict.

Alike real reason of the conflict in Nagorno Karabakh and other Caucasian local conflicts is the Caucasian Civilizational Crossroad or more like its comprehension as a transportation and communication crossroad during the last centuries. It means that hear without any wider incursion into the problem (it is a different problem and for some other article) we can note that the final and acceptable for all conflict parties solution of current Yugoslavian as well as Nagorno Karabakh conflicts would be possible by civilizational political resolving of the "Yugoslavia – Bosfor and Dardanel – Caucasian Crossroad" transportation communication system. It is a more possible and realistic global political question at the current time than it has been 10-15 years ago.

We are working with this problem and trying to find a key to the solution, which will be published soon.

Global political regulation of the conflict in Nagorno Karabakh from the civilizational point of view

The conflict in Nagorno Karabakh has really arisen (from the wider view) from two basic problems: the global (reason) - "Balkan knot – Bosfor and Dardanel isthmuses – Caucasian Civilizational Crossroad" and the local (result) – "Caucasian Civilizational Crossroad".

It is important to specify two mutually complementary thoughts (political and civilizational) and their different or common application (according to the problem) to make a choice of solution of these problems. That's why our offer is the following:

1. by means of the International Political Community and its organizational mechanisms and civilizational political attitudes as the one of most important problems of the global politics to solve the one of natural roles of the very important complex called "Balkan civilizational knot – Bosfor and Dardanel isthmuses – Caucasian Civilizational Crossroad" from the total civilizational "West –

"Old East" prospect as well as the question of the global political organization and the transportational and communication role's of this complex proper regulation. The final solution of this first problem will create a new conditions and real possibilities for "Caucasian Crossroad" which has a global political and civilizational important point to be understood not just as a transportation and communication crossroad, but also with its civilizational sense proved by historical practice.

This political and civilizational reality will provide a strong ground, political assumptions and possibilities to cross the transportation and communication crossroad and to go to the full valuable civilizational complex, which is the natural and logical continuation of this question.

2. The second one is the question of renewal of the "Caucasian Civilizational Crossroad" and its real organization and operation regulation.

We can observe with a certainty that after these two problems will be solved all perturbances and local conflicts in the Caucasus as well as in the Balkans will be segregated. Nevertheless the first and the second questions are not solved yet and on the other hand the conflict is "carrying over" more than last 10 years and it is now in a blind alley, but in every case has to bring to an end, peaceful regulation and the more important thing is that the solution: a) can not impede the first and the second questions to be solved in the future, b) has to create real peace and natural development conditions for three subjects (two subjects of the conflict – Armenia and Azerbaijan and Nagorno Karabakh as an "object" of the conflict), c) in the future as a result of the solution of the first and the second questions all civilizational political subjects with their peaceful coexistence, safety and the natural development have to have their own places with their own role in the global civilizational complex.

As the temporary solution (during approximately 5 years solutions of the first and the second questions would be realized in the life) of the conflict in Nagorno Karabakh we are offering the following model:

3. To create a global political mechanism consisted from three phases for a civilizational solution of the political situation in Nagorno Karabakh. Detection of the situation has to fall back to the solution of the problem of mutual correspondence or dissonance of Nagorno Karabakh with other subjects of the conflict. Therefore it should be:

First phase: International Political Society will create conditions which shall provide possibilities for Nagorno Karabakh to show its civilizational characteristics.

Second phase: Global Civilizational Political Commission (created specially for this goal) will examine civilizational parameters which Nagorno Karabakh has obtain during this period of time (yearly civilizational production, its weight for some branches and functional differences among them). These parameters will be compared with civilizational parameters of Armenia and Azerbaijan. According

to the comparison results, if civilizational, political and qualitative parameters of Nagorno Karabakh:

1. correspond with appropriate parameters of Armenia, then Nagorno Karabakh will be a part of Armenia,
2. correspond with appropriate parameters of Azerbaijan, then Nagorno Karabakh will be a part of Azerbaijan,
3. do not correspond and do not match neither with parameters of Armenia, nor with parameters of Azerbaijan, then Nagorno Karabakh will get a separate and independent status.

We will not go in for the first and the second questions minutely (they are subject of different discussion), but we would switch to the third question.

Our offer is to investigate civilizational political solution of the situation in Nagorno Karabakh and in accordance with that to examine following problem of the peaceful regulation and the final solution of the local conflict in the Nagorno Karabakh:

- a) the technique (method) of the solution
- b) essential political mechanisms and organization
- c) the schedule of the organization of regulation works, which are in basic points the following:

a) the technique (method) of the solution:

The first necessity is to create conditions for the life of the population of Nagorno Karabakh (from the governmental and economic organization point of view), loosening of the intent situation of standing readiness for self-defense. During this period of time Nagorno Karabakh will express its civilizational substance which will articulate by yearly civilizational production's qualitative and quantitative parameters. In order these parameters to be "clean" and to not be affected by other subjects, it is necessary to secure:

- civilizational and political intercession to the livelihood of Nagorno Karabakh from other countries
- for Nagorno Karabakh create real conditions for the separate operation in the wide civilizational territory; it is necessary to create a temporary mechanism for separate international relations implementation
- to create real conditions for Nagorno Karabakh and its population to choose their civilizational, political and social livelihood, the direction of its development and its perspectives

In this way we will get over the secluded ness of Nagorno Karabakh and it will get a possibility of separate contact in a wide international civilizational space to present its advantages or deficits.

As a consequence of a solution of this and other questions Nagorno Karabakh as a separate subject (representing a especial unit) will full valuable create its own civilizational characteristics. It will be seen in a total quantitative generic value of yearly civilizational production (one person's proportion) and on the form of the civilizational values separation curve.

According to this method of a solution the substance of the conflict is moving from the level of emotional political disagreement to the real (calculable, quantifiable, comparable, provable and without different kinds of emotions) civilizational political level.

b) Essential political mechanisms and organization:

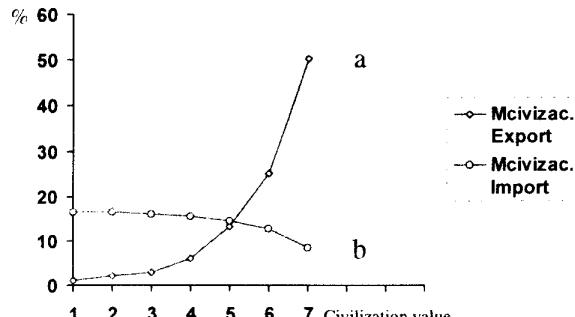
United Nations Organization would have to create temporary (for 5 years) international political units – "helping to express the civilizational value of Nagorno Karabakh" and "pondering civilizational parameters of Nagorno Karabakh, Armenia and Azerbaijan, rating their functional forms comparing them between each other". According to the recommendation of these units the International Court will decide about the situation in Nagorno Karabakh and this solution will be negotiated by the United Nations Organization General Assembly. This method and related all projects preparation will be realized by OSCE Minsk Group. Results will be presented to the United Nations Organization.

Because countries which the United Nations Organization would entrust with the most probability would be Co-Chairman countries of the Minsk Group, we suppose the United Nations Organization will provide these countries with mandate of guarantors of the "civilizational security and intercession of development of Nagorno Karabakh".

c) The schedule of the organization of regulation works:

- To solve a problem of provision of United Nations Organization mandate of guarantors of the civilizational security and intercession of development to Co-Chairman countries of the OSCE Minsk Group.
- To ensure a discussion of the suggestion, creation of the final program and its presentation to the United Nations Organization.
- Yearly independent report on civilizational operation of Nagorno Karabakh, Armenia and Azerbaijan from the Guarantors.
- At the end of the program United Nations Organization's Security Council will compare civilizational parameters of three subjects of the conflict and according to the comparison results will secure a safety on the territories of three subjects for implementation one of three possible solutions of the conflict.
- United Nations Organization Hectoring Council and Security Council will present their results to the International Court.
- The solution of the International Court will be discussed by United Nations Organization General Assembly and the final decision about the political status of Nagorno Karabakh will be made.
- According to this decision United Nations Organization Hectoring Council and Security Council will secure an organization of implementation of the solution and other related running questions.

In this article we are trying to present the idea of this model. We suppose after multilateral discussions it seems to be quite constructive model of solution of the conflict in Nagorno Karabakh.

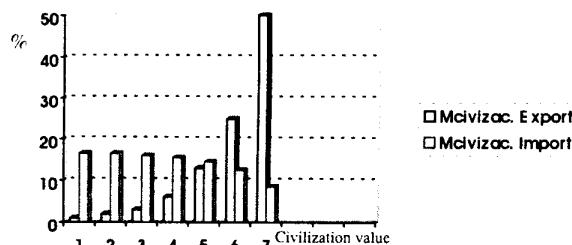
Graph I: Functional curves of the civilizational mass separation

a) Separation of yearly civilizational aggregative mass of one country by seven kinds of civilizational values

b) Curve of essential yearly replenishment by kinds

TABLE

Kinds	Separation by kinds of civilizational values All values are normed and are measured in the civilizational value common unit							$\Sigma = 1+2+3+4+5+6+7$
	1	2	3	4	5	6	7	
$M_{civizac.}$ Civilizational mass yearly production	Art	Mathem- atics	Philosophy	Fundament- al Sciences	Applied Sciences	Technolog- ical Sciences	Manufac- tures and Trade	
$M_{civizac.}$ (export)	1%	2%	3%	6%	13%	25%	50%	100%
$M_{civizac.}$ (addition) Complementary debt	99%	98%	97%	94%	87%	75%	50%	600%
$M_{civizac.}$ (import)	16,50%	16,33%	16,17%	15,67%	14,50%	12,50%	8,33%	100%

Graph II: Export and essential amount of import of Aggregative Civilizational masses by seven kinds of civilizational values separation diagrams

Об авторах

Владимир Николаевич Казимиров

Посол, в 1992-1996 гг. Руководитель посреднической миссии России, полномочный представитель президента Российской Федерации по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта, сопредседатель Минской группы ОБСЕ от России

Иалим Ералы

Аналитик

1987-1991 – Посол Турции в Индии,
с 1991 – первый советник премьер-министра Месута Йилмаза,
первый советник премьер-министра Тансу Чиллер.

В 1996 назначен Послом ОБСЕ

В 2000 вышел в отставку

Г-жа Наира Мелкумян

канд. филологических наук

С 1997 года министр иностранных дел НКР
до этого – постоянный представитель НКР в Армении

Автор ряда публикаций, научных статей, книг

Манвел Саркисян

Советник президента НКР по политическим вопросам

бывший советник министра иностранных дел НКР

1995-2000 – старший эксперт Армянского Центра Стратегических и

Национальных Исследований (АЦСиНИ)

1992-1995 – постоянный представитель НКР в Армении

Александр Григорян

эксперт ИГОРР по проблемам СНГ, урегулирования конфликтов

директор Управления по информации и печати при президенте НКР

1997 - 2001 – аналитик АЦСиНИ

1995-1997 - бывший пресс-секретарь президента Нагорного Карабаха

Автор ряда монографий и нескольких сот статей и корреспонденций по проблемам кавказского региона, в первую очередь Азербайджана и Карабахского конфликта

Сурен Золян

ректор ереванского государственного лингвистического университета им. В.Я. Брюсова, доктор филологических наук, профессор член комиссии по правам человека при президенте РА

В 1990-1995 г.г. был членом Верховного Совета Республики Армения, где занимал должность секретаря специальной комиссии по вопросам Нагорного Карабаха Начиная с 1990 г. по 1993 г. был членом делегации Армении на переговорах по Нагорному Карабаху.

Автор ряда книг и более 300 статей по вопросам региональной безопасности, конфликтологии, правовым и политическим аспектам проблемы Нагорного Карабаха.

Агавни Караканян

директор ИГОРР

член экспертного клуба ООН, эксперт по глобализации

1995 - 2000 – аналитик АЦСиНИ

автор ряда публикаций, научных статей и монографий по проблемам урегулирования конфликтов

конфликтов, феномена мировых войн, глобализации и гендерных проблем

Мкртич О. Зардарян

кандидат исторических наук

аналитик ИГОРР по вопросам безопасности и регионального сотрудничества

директор института древних культур Кавказа (ИДКК)

старший научный сотрудник института археологии и этнографии НАН РА
член экспертного клуба ООН

1996 - 2000 – старший аналитик АЦСиНИ
автор ок. 200 публикаций, научных статей и монографий по проблемам истории и археологии Армении и Ближнего Востока, регионального и трансрегионального сотрудничества, глобализации, структур безопасности.

Александр Русецкий

психолог-конфликтолог,

южно-кавказский институт региональной безопасности.

координатор Грузинского Национального Комитета Хельсинкской Гражданской Ассамблеи

Вердиева Земфира Надыр Кызы

доктор филологических наук, профессор.

Председатель "Общества женщин Азербайджана"

член-корреспондент Академии Наук Азербайджана.

с 1973-1993 – ректор Азербайджанского государственного педагогического института иностранных языков

Автор 346 научных статей, монографий, книг, словарей.

Специализировалась в Джорджтаунском и Оксфордском Университетах

Член парламента Азербайджана от женских организаций.

Агаф Махмуд кызы Искандерова

Президент Ассоциации "Женщины в музыке"

принимала участие в ряде международных и региональных конференциях и семинарах по правам человека и правам женщин

Гаянэ Мовсесян

зам. главного редактора информационно-аналитического агентства "Де Факто."

1993-1994гг. – корреспондент Агентства новостей и информации (АНИ, Россия), а также московского Радио-101

1994-2001гг. - политический обозреватель, затем главный редактор ИА СНАРК

2001 г. по сей день - собственный корреспондент Каспийского информационного агентства (CNA)

Ваагн Агянян

кандидат исторических наук,

аналитик ИГОРР по проблемам региональной безопасности и СНГ
сотрудник отдела внешних связей управления по архивному делу при правительстве РА

научный сотрудник института истории НАН РА
(проблемная группа "Армения в постсоветский период")

Ринисме Налбандян

Центр Международных исследований им. Яна Масарика

Пражский Экономический Университет

Выпускница факультета Международных отношений. Имеет степень бакалавра по международной торговле и степень магистра по международной политике и дипломатии

Является аспирантом Экономического университета по специальности международных отношений

Authors

Ambassador Vladimir N. Kazimirov

1992-1996 – Head of Russia Mediation Mission, Plenipotentiary Representatives of the President of RF to Nagorno Karabakh Conflict Resolution, Russian member and CO-Chair of OSCE Minsk group

Ambassador Yalim Eralp

Analyst, Joined Foreign Service of Turkey in 1962.
Served both in the United States and Western various posts.
Ambassador to India in 1987 until 1991 Adviser first to Prime Minister Mesut Yilmaz and later to Mrs.Tansu Ciller. In 1996 he was named Ambassador to the OSCE.
In 2000 he retired and is freelance writer and Analyst.

Dr. Naira Melkumyan

Minister of Foreign Affairs of Nagorno Karabakh
She is author of number of scientific publications, articles and books

Manvel Sargsian

Political Adviser to the President of NKR
former Adviser to Foreign Ministry of NKR
1992-1995 – the Permanent Representative of Nagorno Karabakh to Armenia
1995-2000 –Senior Analyst on Regional Security Issues (ACNIS)

Alexander Grigoryan

ICSRD Analyst on Caucasus Studies
Head of Information and Publications Department attached to The President of NKR
1997-2001 –Analyst, ACNIS
1995-1997 – Press Secretary of the President of Nagorno Karabakh
He is author of number of monographs and hundreds of articles on the problems of Caucasus,
mainly concerning Azerbaijan and Nagorno Karabakh issues

Dr. Souren Zolyan

Dean of Yerevan States Linguistic University named after V. Briusov
Phonology Dr., Professor
Member of Human Rights Commission attached to The President of Armenia
1990 -1995 - Member of Supreme Council of Armenia and Secretary of Special Commission for Nagorno Karabakh Problems
1990 -1993 - member of the Delegation on the Negotiations on Nagorno Karabakh
Has more than 300 articles and monographs on national security issues and conflict resolution, political and juridical aspects of Nagorno Karabakh problem

Aghavni Karakhanian

Director of Institute for Civil Society and Regional Development (ICSRD)
2000 - Member of UNDP Expert Club
1995 - 2000 - Analyst on Transatlantic Affairs, ACNIS
She is author of number of scientific publications, articles and monographs on conflict resolution, phenomenon of World Wars, Globalisation and gender issues

Dr. Mkrtich Zardaryan

ICSRD, Analyst on Security Issues and Regional Cooperation,
Director of Institute for Ancient Cultures of the Caucasus (IACC)
Head of Program, Senior Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography,National Academy of Sciences, RA
Member of UNDP Expert Club
1996 -2000 – Senior Analyst, ACNIS

Has about 200 articles and monographs on History and Archaeology of Armenia and Middle East, regional and transregional collaboration, globalisation, defense structures and national security issues.

Dr. Alexander Russetsky

Psychologist, Expert on Conflict Resolution,
The South Caucasus Institute of Regional Security, Tbilisi
Coordinator, Georgian National Committee of the Helsinki Citizens' Assembly

Dr. Zemfira Nadir kizi Verdivea

Dr. of Philology, Professor, Chairman of Association of the Women of Azerbaijan
Associated Member of National Academy of Science of Azerbaijan
1973-1993 - Dean of Azerbaijan State Pedagogic Foreign Languages Institute
She is author of 346 papers, monographs and dictionaries
Fellow of Georgetown and Oxford Universities
Member of Azerbaijani Parliament representing Women organizations

Afag Iskanderova

President, 'Women in Music' Association
Participated to number of international and regional conferences, trainings and seminars on human rights and gender problems

Gayane Movsesyan

"De Facto" Info-Analytical Agency, Deputy Chief Editor
1993-1994 – Correspondent to ANI News and Information Agency (Russia) and Moscow Radio-101
1994-2001 – political commentator of SNARK Information Agency (Yerevan), SNARK Editor in Chief
2001 to present - Caspian News Agency (CAN) Own Correspondent

Dr. Vahagn Aghyan

ICSRD, Analyst on Military Cooperation and Regional Security Issues
Research Fellow, Institute of History of the National Academy of Sciences, RA
Officer of the Department of Foreign Relations, Archival State Administration of RA

Dr. Hripsime Nalbandyan

Jan Masaryk Centre of International Studies
University of Economics, Prague, Czech Republic
Graduator of the Faculty of International Relations of the University of Economics in Prague (Bachelors Degree in International Trade, Masters Degree in International Politics and Diplomacy)
September 2000 Postgraduate at University of Economics with the specialisation in International Political Relations

Институт Гражданского Общества и Регионального Развития

СТАТУС ИГОРР

Институт Гражданского общества и Регионального Развития (ИГОРР) является неправительственной независимой научно-исследовательской организацией, ориентированной на изучение актуальных политических, общественных, экономических, исторических, культурологических и иных процессов, характеризующих настоящее и обуславливающих будущее Армении, Кавказа и сопредельных регионов и их взаимоотношений с Европейскими и другими международными политическими, общественными, военными и финансовыми структурами.

ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Одной из основных целей ИГОРР, как общественной организации, является содействие становлению гражданского общества в Армении и ее активному вовлечению в процессы регионального и международного развития и сотрудничества, в контексте общеевропейской интеграции и глобализационных процессов.

В число первостепенных задач ИГОРР, наряду со стимулированием роста взаимопонимания и конструктивного взаимодействия обществе, входит всемерное содействие внутриполитическим и экономическим реформам, процессу демократизации и обеспечение государственных и неправительственных структур РА необходимыми экспертными оценками и исследованиями в области общественно-политической проблематики, в рамках научных интересов ИГОРР.

В рамках исследований ИГОРР особое место занимает анализ глобальных и региональных интеграционных процессов в их политической и экономической динамике. В фокусе исследований ИГОРР находятся также проблемы национальной и региональной безопасности, урегулирования конфликтов и миротворческих инициатив, военно-гражданских отношений.

ИГОРР, имея целью формирование общественного мнения в Армении и за ее пределами, стремится к максимальному охвату заинтересованной аудитории, сочетанию академических трудов и аналитических сборников с публикациями, адресованными широкому кругу читателей.

ИГОРР осуществляет свои исследования в следующих областях:

- гражданское общество и общественная политика
- демократизация и экономическое развитие
- международные отношения и вопросы геополитики
- региональная интеграция и глобализационные процессы
- национальная безопасность и региональные конфликты
- правовое общество, good governance, проблемы коррупции
- история и культура региона, диалог цивилизаций
- религия, свобода совести, межконфессиональные отношения
- социальное развитие и демографические процессы
- права человека и гендерные проблемы

Деятельность ИГОРР предполагает:

- анализ текущих политических, геополитических и экономических процессов в Армении и за ее пределами, в контексте исторических реалий и перспектив развития
- исследования в рамках концепции национальной безопасности
- анализ и мониторинг региональных конфликтов, разработка целевых рекомендаций по их урегулированию
- исследование актуальных проблем общественных и военно-гражданских отношений
- реализация самостоятельных и совместных проектов и исследований, участие в национальных, региональных и международных исследовательских и прикладных программах
- организация симпозиумов, конференций, семинаров, круглых столов
- реализация различных учебных программ и тренингов
- публикация и распространение аналитических разработок ИГОРР и сотрудничающих с ним организаций в виде специальных сборников, книг, журналов, интернет-сайта, а также по каналам СМИ

Адрес: пр-т Тигран Мец 74-16
Ереван 375005
Армения
Тел.: (3741) 58 61 21
Факс: (3741) 52 87 42
Эл. почта: aghavni@netsys.am
coor@post.com

INSTITUTE FOR CIVIL SOCIETY AND REGIONAL DEVELOPMENT

The Status of ICSRD

Institute for Civil Society and Regional Development (ICSRD) is an Yerevan-based independent, not-for-profit, non governmental think-tank with a research agenda covering the major political, economic and social issues facing Armenia, Caucasus and its neighbourhood.

ICSRD exists to research, raise awareness and stimulate debate on a wide range of issues relevant to both Armenia and the International Community. It is founded to meet the need for an independent research, study, policy analysis and development, information and debate on different issues. Its range includes an active interest in civil society, democratisation, governance, globalisation, and international affairs, with a particular focus on regional development and security questions.

ICSRD is also committed to promoting new thought and ideas on contemporary conflict resolution and the changing shape of international relations generally.

The ICSRD is independent and it alone decides what activities to conduct. It owes no allegiance to any government, or to any political or other organisation. The Institute is committed to undertaking relevant and focused projects, and to scrupulous academic standards. The Institute has a friendly and informal atmosphere and encourages participation and originality.

Aims, objectives and functions

The main objectives of the Institute are five-fold: research on issues of political, economic and social significance, documentation of materials on these issues, publication of research results, organising training for interested groups, and liaising with institutions which share broadly similar objectives.

The primary objective of ICSRD is to promote the establishment of civil society in Armenia and its engagement to the processes of regional and international development and cooperation as well as to facilitate the political and economic reform process contributing to the democratisation process in the geographic frames of Institute's research interests.

The aims of the Institute are not only to increase understanding of the transition to a democracy in Armenia but also to build a bridge between academic research and policy-makers and provide support to the government and the civil society, to take the lead in harmonising, elaboration and implementation of a long-term vision on a national development strategy and to provide valuable expertise and political and economic advice to policy-makers in the Republic.

ICSRD is struggling to invest meaning in the concept of civil society and regional development by linking civil society issues with economic, political development in the region and democratisation process, as well as by analysing the regional development in the context of European integration and globalisation processes.

ICSRD aims to strengthen national capacity to monitor, alert, and analyse political, economic and social changes in Armenia, neighbouring countries and in the world. It advocates the need to support the development of civil society and democracy while considering tremendous resilience and initiative in confronting the social and political dilemmas presented by the democratisation processes.

Research Agenda

The Institute seeks to serve the wider community by carrying out research into real processes and feeding back the results of its research in practice. ICSRD focuses on the most important policy questions facing Armenia and the region in the new century. ICSRD places great emphasis on promoting study in the area of transition research. It intends to make research findings available to the widest possible audience, and intends to combine academic publications with policy studies aimed at a more general readership of opinion formers in Armenia and abroad. The Institute's work is grounded in an appreciation of the various political, economic and social problems that can lead to stability, as well as the factors that can lead to regional, as well as international development and cooperation.

Activities Related to Research

Aiming at inter- and multidisciplinarity and cross-cultural analysis of the concept of civil society and regional development and seeking to provoke reasoned debate, the ICSRD expects to conduct the critical research on theoretical and practice - policy oriented themes across institutional, national and regional contexts for the benefit and well-being of Armenia and its environment including global issues of concern.

The main fields of study and interest areas include wide range of disciplines from political science, sociology, anthropology, political economy, history, humanities and social sciences. The Institute's work involves its researchers in studies of:

- *Public Policy and Civil Society*
- *Democracy Building and Economic Development*
- *Regional Integration and Foreign Affairs*
- *International Strategic Issues and Globalisation process*
- *Conflict Resolution and Security Issues*
- *Good Governance and Legal Society*
- *Social Development and Demographic Processes*
- *Human Rights and Gender*

The ICSRD's end-products will appear in a working papers, the Institute's web site, in journals, books, and mass media. It will provide, through suitable channels, information about its activities to the media, academics, government and to other interested parties within the public at large.

Working Methods

The transitional process in Armenia together with globalisation has brought society back into centerframe as an issue for policy-makers. And as a new and challenging research has in the recent past tended to move away from public institutions of higher learning to non-governmental research institutions, the ICSRD is moving to take advantage of these opportunities to serve the national and international community.

ICSRD is intending to achieve success by stimulating, challenging the creative research environment, engaging scholars in mutually supportive and encouraging debates, establishing international scholarly contacts and promoting coordinated research programmes, as well as by working to ensure ICSRD's institutional viability; developing a strategy to enhance its effectiveness and credibility; by improvement of information and communication systems; programmes evaluation and staff development.

In his approach to research the ICSRD seeks:

- Strategic analysis

The conduct of critical research of the political, economic, and security dimensions of Armenian, regional and global policy issues.

- Comparative Studies

The illumination and analysis of current political, economic and geopolitical realities in Armenia and its neighbourhood in the context of historical past and perspective scenarios.

- Monitoring

The piloting of national and global environment for trends, challenges and opportunities relevant to ICSRD's research activity.

- Collaborative activity

Includes the realisation of joint projects with researchers, partners in the region and in the world, and participation in wider national, regional and international programmes for greater policy impact.

- System Networking

The accumulation of research materials, databases, and other documentation, the promotion, networking and dissemination of ICSRD's research output and publications.

- Capacity Building

The organisation of conferences, round-tables, workshops, seminars, lectures, participatory research, dialogues and symposia, interaction with universities, centers, and other institutions, invitation of visiting scholars and researchers.

- Consulting activity

The realisation of different training programmes and conduct of consulting for different governmental and non-governmental organisations and assistance to government in policy advocacy and decision making.

Tigran Mets Ave. 74-16
Yerevan 375005
Armenia

Tel: (3741) 58 61 21
Fax: (3741) 52 87 42
E-mail: aghavni@netsys.am
coord@post.com

Фонд имени Фридриха Эберта

Фонд им. Фридриха Эберта – старейший политический фонд в Германии. Он был основан в 1925 году в честь первого президента Веймарской Республики Фридриха Эберта. После прихода к власти нацистов Фонд был запрещен и был заново основан в 1947 году. В настоящее время Фонд им. Фридриха Эберта претворяет в жизнь многочисленные программы во многих областях общественной жизни и науки.

Фонд им. Фридриха Эберта является общественной независимой организацией, ориентированной на основные демократические принципы и ценности и их развитие в русле актуальных политических, общественных и иных процессов.

Фонд имеет отделения в 90 и ведет работу в более чем 100 странах во всем мире, в том числе в странах Центральной и Восточной Европы, бывшего Советского Союза и на Ближнем Востоке.

Одним из важнейших направлений деятельности Фонда им. Фридриха Эберта являются проблемы развивающихся стран. В этом аспекте Фонд ведет работу следующих областях:

- совершенствование общественного и политического климата
- демократизация общественных структур
- поддержка независимых профсоюзов
- совершенствование коммуникаций и СМИ
- региональное и международное сотрудничество СМИ
- межрегиональное сотрудничество между странами и различными объединениями и структурами
- преодоление международных противоречий и конфликтов

В области практических исследований Фонд им. Фридриха Эберта придает особую важность анализу экономических, общественных и политических проблем. Фонд стремится способствовать диалогу между демократическими силами с целью **развития** основных общественных демократических институтов и сохранения баланса интересов.

Посредством своих исследовательских программ, симпозиумов, дискуссий и разнообразных публикаций в областях экономической политики, общественной науки, технологий, новейшей истории и международных отношений Фонд ежегодно привлекает к своим разработкам тысячи экспертов из сфер экономики, политической жизни, общественного управления, профсоюзов, а также из академических кругов и СМИ.

The Friedrich-Ebert-Stiftung

The Friedrich-Ebert-Stiftung or FES was founded in 1925 as a political legacy of German first democratically elected president, Friedrich Ebert. The foundation, which was immediately banned by the nazis in 1933, and not-re-established until 1947 after World War II, continues today to pursue those aims and has developed extensive programmes in number of areas.

The Friedrich-Ebert-Stiftung today is a non-profit making, political-interest institution committed to the principles and basic values of social democracy in its educational and policy-orientated work. FES has offices in 90 countries and activities in more than 100 countries around the world, including Central and Eastern Europe, the former Soviet Union and the Middle East.

FES sees its activities in the developing countries as a contribution to:

- the improvement of political and social framework conditions
- the democratization of social structures
- the strengthening of free trade unions
- the improvement of communication and media structures
- regional and international media co-operation
- regional co-operation between states and different interest groups
- overcoming ethnic conflicts and political contradictions

Together with its partners in the trade unions, education and research, public administration, local government and various social groups and organizations the FES fosters dialogue amongst all democratic forces with the aim of bringing about a balance of interests, solving conflicts and developing policy options.

In its practice-orientated researches The Friedrich-Ebert-Stiftung attaches particular importance to analysing the economic, social and political problems. In its respects the Foundation sees its role as providing a discussion forum for the future development of social democracy.

Through its research projects, symposia, debates and a wide variety of publications in the field of economic policy, labour and social research, technology and society, social and contemporary history as well as foreign policy research, the Foundation annually attracts thousands of experts from economic and political life, public administration, the trade unions, the academic world and the media.